

ХОЛОПЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

А. А. ЗИМИН

История крестьянства в Древней Руси принадлежит к числу ведущих тем советской исторической науки.

Годы, прошедшие после издания капитальных трудов по истории Киевской Руси акад. Б. Д. Грекова и проф. С. В. Юшкова¹, отмечены появлением большого числа работ по истории древнерусского города и деревни. В первую очередь следует назвать исследования М. Н. Тихомирова о древнерусских городах и классовой борьбе XI—XIII вв.² Ему же принадлежит обстоятельный комментарий к Русской Правде³. Очень большое значение для понимания норм русского права имеет так называемый Закон Судный людем, изданный недавно по всем редакциям под ред. М. Н. Тихомирова⁴. Составленный на основе византийских законов, Закон Судный (Краткой редакции) попал на Русь уже в конце X в. и оказал известное влияние на развитие древнерусского законодательства. В свою очередь Пространная редакция Закона Судного, как полагает М. Н. Тихомиров, испытывала влияние Русской Правды и создавалась где-то на рубеже XIII—XIV вв.

Складывание класса феодально-зависимых крестьян явилось темой специального исследования Л. В. Черепнина⁵. Привлекал внимание специалистов и вопрос об общинниках и смердах⁶. В обстоятельном исследовании И. И. Смирнова не только подводятся итоги изучения истории крестьянства и холопства на Руси XII—XIII вв. за последние лет 10—12, но и делается попытка пересмотра многих из этих вопросов заново⁷.

В настоящей статье автор изучает процесс возникновения рабства на Руси VI—IX вв. и развитие института холопства на его раннем этапе, то есть до начала XII в. Насущная задача подобного исследования очевидна прежде всего в связи с проблемой становления феодальных отношений на Руси, которая принадлежит к числу наиболее важных и требующих дальнейших изысканий. В основу исследования положена Русская Правда, одновременно возможно шире привлекаются другие русские и иностранные источники, которые позволят лучше понять, что скрывалось за сухими юридическими нормами законодательного сборника.

¹ Последнее издание книги «Киевская Русь» Б. Д. Грекова вышло уже посмертно в 1953 г. См. также С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, М., 1949.

² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956; его же. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., М., 1955.

³ М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды, М., 1953.

⁴ «Закон Судный людем Краткой редакции», М., 1961; «Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции», М., 1961.

⁵ Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. «Исторические записки», 1956, кн. 56, стр. 235—264.

⁶ Е. Д. Романова. Свободный общинник в «Русской Правде». «История СССР», 1961, № 4; А. А. Зимин. О смердах Древней Руси XI—начала XII вв. «Историко-археологический сборник», М., 1962, стр. 222—227.

⁷ И. И. Смирнов. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков, М.—Л., 1963.

В рассказах византийских писателей VI—VII вв. о склавинах и антах вырисовывается общая картина их общественного строя с характерными чертами военной демократии.

Непосредственный интерес для нас представляют многочисленные известия о походах славян в пределы Восточной Римской империи (когда они по преимуществу и становились объектом наблюдения для византийцев) и сообщения об их нравах, отношении к покоренным, разграбленным землям и их жителям, которое не оставалось одинаковым. Если вначале жители покоренной земли были только врагами, подлежащими истреблению в пылу битв, то позже поголовное убийство сменяется массовым уводом в плен. Об этом переломе, связанном с появлением частной собственности и расслоением внутри общества, говорил Ф. Энгельс: «сама община и союз, к которому принадлежала эта община, еще не выделяли из своей среды свободных, избыточных рабочих сил. Зато их доставляла война... До того времени не знали, что делать с военнопленными, и потому их попросту убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени «хозяйственного положения» военнопленные приобрели известную стоимость; их начали поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их трудом... *Рабство* было открыто»⁸.

Этот переломный момент не исчез для нас бесследно в глубине веков, не может быть отнесен к какому-то безгранично древнему, доисторическому периоду. Во всяком случае с полным основанием намеком на эту эволюцию в отношении к пленникам можно считать знаменитое рассуждение Прокопия Кесарийского в его «*De belle Gothico*» (написано во II пол. VI в.) о том, что «сначала славяне уничтожали всех встречающихся им жителей. Теперь же они..., как бы упившись морем крови, стали с этого времени некоторых из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходили домой, уводя с собой десятки тысяч пленных»⁹.

В известиях византийских писателей встречаются многочисленные и однообразные упоминания о славянах-«варварах», привычным занятием которых было опустошение соседних земель и пленение их жителей. «Анты сделали набег на Фракийскую землю и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство». Или еще: «войско славян... произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста». «Толпа славян», наводнившая Иллирию во времена императора Юстиниана, произвела ужасные опустошения; «они взяли в плен и обратили в рабство бесчисленное количество людей и разграбили все»¹⁰.

В представлении византийцев все эти толпы пленников были обречены на рабство, иной судьбы для них византийские нравы не допускали. Но, ознакомившись немного ближе с жизнью славянских племен в их собственных поселениях, они имели случай убедиться, что рабство это отличалось во многом от вида рабства, привычного для них. «Стратегикон» Псевдо-Маврикия прямо говорит об этой разнице: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. II, т. 20, стр. 185.

⁹ А. В. Мишулин. Древние славяне в отрывках писателей по VII век. «Вестник древней истории», 1941, № 1 (далее: Мишулин), стр. 241.

¹⁰ Мишулин, стр. 236, 239, 243.

выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей»¹¹. Сравнительно мягкие формы рабства у славян отразились в рассказе Прокопия Кесарийского о «человеколюбивом и мягком хозяине»-анте. Рассказ раскрывает, кроме того, еще одну существенную деталь — рабы рекрутировались исключительно из пленников-врагов, а не за счет внутреннего расслоения славянского общества. Один ант покупает себе раба по имени Хильбудий, думая, что это пленный римский полководец. Это оказалось ошибкой — раб, «сам по роду ант», взят в плен своими родными славянами, «бывшими тогда их (антов.— А. З.) врагами». Продолжая свой рассказ о рабе Хильбудии, Прокопий разъясняет, что «теперь же, придя в родные земли, он в дальнейшем, согласно закону, будет уже свободным»¹².

Гардизи (серед. XI в.) писал о восточных славянах, что «у них много рабов». Ал-Марвази (конец XI — нач. XII в.), передавая тот же рассказ о славянах IX в., который использовал и Гардизи, излагает его так: «зимой на них нападали венгры и как результат взаимных набегов у них много рабов»¹³. Итак, источником рабства у славян были войны с соседями. У антов не было рабов-единоплеменников.

Но в византийских памятниках VI—VII вв. появляется и новый оттенок в обрисовке славян — последние становятся сами объектом захвата и пленения. Так, Прокопий рассказывал, что по Истру шли «варвары, гунны, анты и славяне», на которых римляне совершали походы, «избивали и забирали в рабство живших там варваров»¹⁴. С этого времени, очевидно, резко возрастает количество славян-рабов на международном рынке.

О походах соседей на славян и об обращении в рабов пленных славян говорили несколько позднее арабские писатели. Так, в начале X в. Ибн-Росте сообщал, что «мадьяры господствуют над всеми соседними славянами, налагают на них тяжелые оброки и обращаются с ними, как с военнопленными... Воюя славян и добывши от них пленников, отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли»¹⁵ для продажи их в рабство. Говоря о Руси, Гардизи писал (около 1050—1052 гг.): «Эти люди постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабов, отвозят в Хазаран и Балкар и там продают... и с рабами обращаются хорошо»¹⁶. О появлении рабов-славян на рынках Востока и Европы писали и другие арабские авторы. Например, Ибн-Хордадбех (60—70-е годы IX в.): «(В Магриб) привозятся также через Западное море евнухи славянские и суданские, мальчики румские, девушки андалузские». То же и у Ибн-Хаукаля (976—977 гг.): В Магриб «посылают молодых и прекрасных рабов румских..., свинец, ртуть, евнухов из земли негров и славян»¹⁷. О славянских невольниках сообщал Масуди (30—50-е годы X в.): «Бурджане привозят в Кустантинию девушек и мальчиков из племени славян или греков»¹⁸. («Бурджане» — вероятно, дунайские болгары).

Очевидно, уже к VI—VII вв. относится этимологическая эволюция слова «славяне», «склавины», расширение его смысла до общего назва-

¹¹ Мишулин, стр. 253.

¹² Там же, стр. 236.

¹³ А. П. Новосельцев. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. В кн. А. П. Новосельцев и др. Древнерусское государство. М., 1965, стр. 391.

¹⁴ Мишулин, стр. 236.

¹⁵ Д. Хвольсон. Известия о хазарах... Ибн-Даста (далее: Хвольсон), СПб., 1869, стр. 35.

¹⁶ Перевод А. П. Новосельцева (указ. соч., стр. 399).

¹⁷ А. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о Руси и славянах (далее: Гаркави), СПб., 1870, стр. 48, 222.

¹⁸ Гаркави, стр. 126.

ния всех невольников¹⁹. При изучении этого явления необходимо отметить, что славяне в это время принимают участие в работорговле только в качестве «страдательного» элемента, как объект продажи, товародобыча, захваченная чужеземцами. Возможно, из-за недостаточного четкого уяснения этого факта существует ошибочное мнение, согласно которому славянская работорговля считается явлением, предшествующим укреплению княжеской власти. В действительности, пленники-рабы еще долгое время остаются как бы извне навязанными славянскому обществу, когда человеческая добыча захватывалась в покоренных землях наравне со всеми остальными видами сокровищ. При родовом устройстве, подвижном племенном образе жизни и патриархальных формах быта этот приток чужеземного населения, не находя себе прочного места в производстве и лишь частично растворяясь в потоке международной работорговли (это придет позднее), осаждался на новых местах «в качестве свободных и друзей».

При такой оценке явления нам становятся понятными сведения мусульманских писателей, которые освещают даже несколько более поздний период, чем византийские авторы. Нас не смутит тот факт, что писатели IX и начала X в. отводят немного места работорговле у славян, хотя русские купцы занимают уже довольно видное место на рынке и предметы их торговли довольно тщательно перечисляются иностранными авторами. Аль Джайгани (конец IX — начало X в.) в «Книге путей для познания государств», говоря о трех частях Руси, указывал, что «из трех городов развозят мех черный соболей и олово во все места»²⁰. Сообщение это повторяет ряд позднейших арабских авторов, например, Ибн-Хаукаль, Идриси (середина XII в.) и др. О рабах как о товаре, которым могли бы торговать русы, у этих авторов нет ни слова. Ибн-Хордадбех, окончивший свою работу в 90-х годах IX в., также совершенно не говорит о торговле русов рабами, хотя, как Джайгани и другие авторы, тщательно перечисляет предметы торговли русских купцов: «Что же касается купцов русских — они же суть племя из славян, — то они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому морю»²¹. Его повторял Ибн-Факих (писал он в 902 г.): «что касается до купцов славян, то они вывозят лисиц и бобровый мех»²². О работорговле молчит и Масуди в «Промывании золота», датируемом обычно 943—947 гг., хотя он и упоминает о том, что Русь жила на Итиле, и знает о русских купцах²³.

В книге «Драгоценные драгоценности» (30-е годы X в.) Ибн-Росте использовал источники II четверти IX в. Поэтому он еще отмечал патриархальное отношение к рабам, существовавшее у русов. «Когда они нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его всего. Женщинами побежденных сами пользуются, а мужчин обращают в рабство», причем «с рабами обращаются хорошо»²⁴. Здесь прямо бросается сходство с византийскими памятниками (Прокопий, Маврикий).

Просматривая известия византийских и арабских писателей VI—IX вв., мы убеждаемся в том, что все эти сведения легкими, часто беглыми штрихами рисуют лишь общую картину взаимоотношений славян с соседями и результаты их — стремление захватить пленных и увести их в свою страну. К сожалению, гораздо труднее проследить судьбу тех пленников, которые оставались внутри страны. Здесь отрывочные све-

¹⁹ Подробный разбор развития этого термина см. в работе А. И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.», ч. 1, М.—Л., 1943, стр. 12—15, 294—298.

²⁰ А. Гаркави. Древнейшее арабское свидетельство о Киеве. «Труды III археологического съезда», Киев, 1878, т. I, стр. 347.

²¹ Гаркави, стр. 49.

²² А. Куник. Известия Ал-Бекри, т. II (далее: Куник), СПб., 1903, стр. 142—143.

²³ Гаркави, стр. 129.

²⁴ Хвольсон, стр. 35, 38—39.

дения Псевдо-Маврикия и Прокопия приходится дополнять логическим ретроспективным взглядом в глубь веков, отправляясь от древнейших известных нам русских письменных памятников. Очевидно, на этой стадии общественного развития большинство пленников попадало в положение рабов, но своеобразного патриархального вида. Здесь нельзя не согласиться с Б. Д. Грековым, отождествлявшим термин «челядь» по происхождению с «familia» («Мы без особого риска сможем под термином «челядь» разуместь «familia»)²⁵. Действительно, для древнейшего периода все указывает на полную аналогию этих понятий. У болгар до сих пор «челяд», у чехов *celed* так же, как у сербов слово челяд, означает семью²⁶. Наряду с термином «челядь» для обозначения патриархальных рабов на Руси существовали и другие термины. Среди них мы назовем хотя бы термины «семиа» и «огнище», «дом». Вопрос о взаимосвязи этих терминов остается еще окончательно не выясненным.

Развитие классовых отношений в конце концов положило конец патриархальному характеру рабовладения. Вся масса рабов постепенно начинает концентрироваться у глав патриархальных семей. «На пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада, как обособленную собственность глав семей, совершенно так же, как и... людской скот — рабов»²⁷, — писал Ф. Энгельс. Рабы обогащали этих глав патриархальных семейств. Начинается распад кровной общины: обедневшие члены покидали ее, появлялись пришельцы из других общин. Сравнительно широкий контингент пришельцев, не связанных с местным населением, выделение внутри рода комплекса лиц, связанных семейными отношениями, более узкими, чем прежде (причем такой комплекс лиц часто оказывался владельцем определенного богатства в виде рабов) — все это с неумолимой последовательностью разлагало родовой уклад, заменяло его территориальным принципом поселения. К этому-то периоду возможно отнести происхождение «изгоев», рано знакомых нашим источникам, — как лиц, вышедших из родового союза.

Общинный строй подходил к концу своего развития, и у восточных славян складывалось раннефеодальное государство.

* * *

В начальный период истории Древнерусского государства (вторая половина IX—X вв.) мы наблюдаем уже иную картину. Многочисленные походы на Византию, на Восток, на Каспий наряду с увеличивавшимся значением великого пути «из варяг в греки» привели к росту удельного веса и значения работорговли. Не случайно путешественники-иностранцы этого времени переключают свое внимание именно на этот раздел торговли с русами, со славянами. Многочисленные данные о работорговле этого времени убедительно иллюстрируют известное положение Энгельса, когда он, говоря о германцах, замечает: «Их морские экспедиции в Северное море, начиная с набегов саксов в третьем веке и кончая набегами норманнов в десятом веке, имели своей ближайшей целью, наряду с прочим морским разбоем, преимущественно охоту за рабами, почти исключительно для торговли»²⁸.

Нечто сходное было и на Руси изучаемого периода. С. В. Бахрушин писал, что в Киевской Руси «в IX—X веке раб — объект торговли»²⁹.

²⁵ Б. Д. Греков, *Крестьяне на Руси*, кн. 1, М., 1952, стр. 136.

²⁶ А. Преображенский. *Этимологический словарь*. В кн. «Труды Института русского языка», т. I, М.—Л., 1949, стр. 62; M. Vasmer, *Russisches Etymologisches Wörterbuch*, Bd., III, Heidelberg, 1958, S. 314. См. также И. Яковкин. *Закупы Русской Правды*. ЖМНП, 1913, апрель, стр. 245.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 21, стр. 58.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 19, стр. 472—473.

²⁹ С. В. Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. «Историк-марксист», 1937, № 2, стр. 171.

Если для IX в. источники не дают нам основания для подобного утверждения, то для X в. наблюдение С. В. Бахрушина может быть принято без всякого сомнения. Приведем несколько свидетельств, говорящих о торговле русов рабами в X в. Нам приходилось уже упоминать сообщение Ибн-Росте, который отмечал эти новые черты в отношении к рабам: «русы производят набеги на славян..., полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к болгарам и продают там»³⁰. Но легче всего проследить интересующие нас изменения в «Записке» Ибн-Фадлана, относящейся примерно к 922 г. Описывая свое путешествие на берега Итиля, он говорит о купцах-русах, доставлявших сюда рабов, закованных в цепи для продажи. Характерна молитва такого купца: «О, мой господин, я приехал из отдаленной страны и со мною девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур,— пока не назовет всего, что прибыло с ним из его товаров»³¹. Рабы, наряду с прочим товаром, являются частью своеобразной таможенной пошлины, которую взимает с этих купцов «царь славян». «Если прибудут русы или же какие-нибудь другие (люди) из прочих племен с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову». Здесь же дается живая картина торговли рабами, среди которых особенную ценность представляют девушки: «у каждого (из них) скамья, на которой он сидит, и с ними (сидят) девушки-красавицы для купцов»³². Это свидетельство о том, что именно девушки для Руси представляли особую ценность как товар, чрезвычайно характерно. По-видимому, мужчины-пленники первоначально истреблялись. Именно поэтому термин «роба», означавший женщину-рабу, появился прежде подобного термина для раба-мужчины. Этот факт был уже отмечен А. Яковлевым: «Объясняется это тем, что главным предметом захватных экспедиций и торгова на тогдашнем невольничьем рынке были именно женщины»³³.

Несколько штрихов, разбросанных в «Записке», рисуют положение рабов внутри страны, так как они, конечно, не были только объектом экспорта. Нравы, несомненно, стали более жесткими. Положение рабов стало отличаться от положения свободных. Заболевших, например, помещали в отдельных шалашах и не приближались к ним, особенно если они неимущие или невольники. Умершего после болезни, «если он был невольником, они оставят его в его положении, так что его едят собаки и хищные птицы». Это вместо погребения по особому ритуалу, полагающемуся обычно свободному. В случае смерти господина иногда убивали и часть его рабов — девушек и отроков³⁴.

Интересные данные об отношении русов к рабам содержит рассказ Ибн-Мискавейха о походе русов на город Бердаа 943—944 гг. Известия автора основаны на впечатлениях очевидца, а сам он умер через 87 лет после этого похода. Мискавейх описывал истребление значительной части населения города русами, а «когда убийство было закончено, захватили они в плен больше 10 000 мужчин и юношей вместе с женами, женщинами и дочерьми... Потом собрали мужчин в мечети соборной, поставили к дверям стражу и сказали им: «Выкупайте себя»³⁵. Часть пленных выкупила себя по 20 диргемов за каждого, а отказавшихся выкупить себя русы «убили всех до последнего человека». Заметим, что в этом рассказе рабы еще только товар для русов, в нем заинтересованы только как в средстве для получения денег путем выкупа. У Мискавейха не-

³⁰ Хвольсон, стр. 35.

³¹ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1956, стр. 142.

³² Там же, стр. 141, 142.

³³ А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 12.

³⁴ А. П. Ковалевский. Указ. соч., стр. 143—144.

³⁵ А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 322—943/4 гг. «Византийский временник», т. 24, Л., 1926, стр. 66.

однократно упоминаются рабы — пленники русов. «Овладели они женщинами и юношами... и поработили их», и ниже «несколько женщин-пленниц». При уходе из Бердаа русы «угнали женщин, юношей и девушек столько, сколько хотели»³⁶.

В X в. появляются замечания о торговле русов рабами даже у тех арабских авторов, в основе повествования которых лежат рассказы IX в. Например, у Истахри (половина X в.), кроме фразы «из Арты вывозятся черные соболи и свинец», взятой из источников IX в., было добавлено в другом месте: «К ховарезмийцам попадает большая часть невольников из славян, хазар и подвластных им стран»³⁷. То же и у Ал-Балхи (умер около 940—951 гг.). Если здесь неясно, кто продает невольников хазарам, то все эти данные разъясняются у Мукаддеси (985—996 гг.): «Что касается купеческих товаров, то из Ховарезма вывозятся: меха соболи, беличьи, горностаевы..., мечи, кольчуги, береза (или буквое дерево), невольники из Славян, овцы и рогатый скот. Все это привозится из Булгара»³⁸. Указание на Булгар, куда по Фадлану привозили продавать невольников русские купцы, а также на товары, которые несомненно шли от русских, дает основание предполагать, что Истахри и Мукаддеси имеют в виду невольников, продаваемых Русью. У Ибн-Хаукаля говорится, что из Арсы (третьего «центра» Руси) вывозят «черных соболей, черных лисиц и олово (свинец?) и некоторое число рабов»³⁹. Так как в других вариантах этого рассказа об Арсе (Арте, Арсанини) о вывозе рабов не говорится (см. Ал-Истахри, «Худуд ал-алам» и др.), относим его к X в., т. е. ко времени Ибн-Хаукаля.

Около 903—904 гг. был составлен Раффельштеттинский таможенный или мытный устав (*Leges portorii*) для Восточной марки. Там упомянуты и купцы русов, в состав товаров которых входит челядь⁴⁰: «Что же касается славян, которые приходят из Ругов (*de Rugis*) или из Богемов ради торговли...»⁴¹. Причем купцы платят подати «с одной рабыни по тремиссе..., с каждого раба по сайге»⁴².

Одним из главных рынков, где русы сбывали рабов, была Византия. Константин Багрянородный в 948—952 гг. подробно описывал путь через пороги, по которому везли рабов из Руси в Царьград, причем «рабов в цепях» приходилось проводить миль 6 сухим путем из-за трудной переправы⁴³. В конце XI в. в Константинополе, согласно чудесам святого Николая, был специальный рынок («торг»), «идеже рустии купцы приходяще челядь продают»⁴⁴. И опять-таки повторяются знакомые, интересные детали — пленник, отданный на поруки св. Николаю, отпущен домой, чтобы принести выкуп. Таким образом, к договорам и свидетельствам Ибн-Мискавейха добавляется еще одно известие о распространении выкупа. Перед нами уже довольно развитая работорговля. Более или менее четко выясняются те основные пути, по которым устремляется человеческий товар.

Один факт такого широкого распространения торговли рабами и пристальное внимание ко всему, что их касается, указывает на известные перемены в отношении к рабам, хотя старое название «челядь» ос-

³⁶ Там же, стр. 67, 69.

³⁷ Гаркави, стр. 193.

³⁸ Там же, стр. 282.

³⁹ Перевод А. П. Новосельцева (указ. соч., стр. 412).

⁴⁰ О торговле Руси с Германией воском и челядью см. М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. XXXIV, Л., 1927, стр. 4.

⁴¹ В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1888, июль, стр. 125.

⁴² «Сайга» равна баварскому динарию. «Тремисса» равна 1/3 серебряного солида, 4 динариям.

⁴³ «Известия ГАИМК», вып. 91, стр. 9.

⁴⁴ «Памятники древней письменности», вып. 34, 1882, стр. 85.

гается. С. В. Бахрушин справедливо отмечал, что в X—XI вв. с понятием «челядь», несомненно, связывалось представление об объекте купли-продажи⁴⁵. Таково, например, употребление термина «челядь» и в Повести Временных лет. В 955 г. согласно летописи император Константин обещал Ольге: «Многие дары прислю тѣ: челядь, воск и скъру и вои в помощь». О челяди-товаре говорит и Святослав, мечтая о Переяславце (под 969 г.), куда «вся блатая сходятся... из Руси же скоро и воск, мед и челядь»⁴⁶.

Не удивительно, что вопрос о челяди подвергся самому всестороннему обсуждению в договорах с греками 911 и 944 гг. Оба договора останавливаются лишь на двух вопросах, связанных с челядью: это выкуп пленных и сыск беглой челяди. Несмотря на международный характер этих проблем, сама тематика их показывает, что челядь в это время является главным образом предметом купли-продажи, что она не задерживалась на Руси⁴⁷.

Проблеме выкупа в договоре 911 г. посвящены статья 9⁴⁸, устанавливающая общий порядок выкупа, и статья 11, регламентирующая довольно строго самую цену пленника. Вопрос о выкупе, очевидно, являлся одной из актуальных проблем. Статья 9 устанавливает, что пленник, находящийся в любой из договаривающихся сторон («обою страну держим есть»), а он туда был продан⁴⁹ Русью или греками («или от Руси или от Грек продан в ону страну»), если найдется соотечественник пленника, русский или грек («аще обящется ли Русин ли Гречин»), то он выкупается и возвращается на родину, а бывшие владельцы пленника, купившие⁵⁰ когда-то его, получают за него цену по таксе, указанной ниже в ст. 11 («и возмуть цену его купящих») или «мниться в куплю на день челядиннаа цена». В дополнении к ст. 9 говорится, что этот порядок выкупа сохраняется и в том случае, если пленный русский захвачен греками в бою («от рати ят»), а не был продан грекам. Но статья различает не только случаи, какими был приобретен пленный (покупкой или в бою), она различает также способы выкупа его. Первый из них — это выплата его цены бывшим владельцам («возмуть цену»). Цена пленника, как мы уже отмечали, дана ниже в ст. 11 и равна 20 «золота».

Второй способ освобождения пленного, когда «мниться в куплю на день челядиннаа цена». «Мниться» (или, как считал А. А. Шахматов, лучше читать «мениться», а Миклошич — «въмениться») означает «вменяется», «засчитывается». Предлог «в» можно перевести как «за». «Челядинная цена» отличается от цены пленника и означает обычную цену раба, которая равнялась, быть может, двум паволкам (ср. договор 944 г.). Тогда смысл статьи разъясняется. Если в первом случае выкупа платилась цена пленного, то во втором в «куплю» засчитывалась «на день» цена раба. Отсюда ясно, что в «куплю» означает «за выкупную сумму»⁵¹. «На день» означает «поденно» (отработанная)⁵². Перевод же всей фразы будет такой: «засчитывается за выкупную цену раба поденно (отработанная) обычная цена челяди». Таким образом, этот случай

⁴⁵ С. В. Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси, стр. 169.

⁴⁶ ПВЛ, ч. 1, М.—Л., 1950, стр. 45, 48.

⁴⁷ Об этом см. Л. В. Черепнин. Формирование класса феодально-зависимого крестьянства на Руси, стр. 240.

⁴⁸ Текст дан по «Памятникам русского права» (далее: ПРП), вып. 1, М., 1952, стр. 8.

⁴⁹ Д. М. Мейчик полагает, что «продан» означает «запродан» в какую-то страну. Это толкование, полагаем, слишком осложняет текст статьи (см. Д. М. Мейчик. Русско-византийские договоры. ЖМНП, 1916, ноябрь, стр. 76—78).

⁵⁰ В тексте статьи «купящих», т. е. купцы (ср. «судящие», т. е. судьи в «Житии Бориса и Глеба»).

⁵¹ Тогда конец ст. 9 можно перевести «отдана будет цена его (по таксе ст. 11), как установлено, так как это выкупная цена (сумма)».

⁵² См. Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 82.

отличается от вышеупомянутых тем, что если там выкупали пленного, соотечественники, то здесь он выкупался сам, отрабатывая свою выкупную цену. Что такие работавшие у греков пленные были, видно из ст. 7 договора 944 г., где отмечен выкуп Руси «работающе у Грек, аще суть пленницы».

Закон Судный прямо устанавливал возможность пленному самому отработать свою цену⁵³. В своем исследовании М. Н. Тихомиров находит даже генетическую связь между Законом Судным людем и Русской Правдой⁵⁴. Они относятся к одному временному комплексу, отражают правовой и экономический уровень эпохи, когда зарождаются все основные элементы общественной и хозяйственной жизни — позже они развиваются, видоизменяются и частично отмирают, но происхождение их относится именно к этому времени. Это дает известную возможность и в дальнейшем, при анализе основных норм Русской Правды прибегать к толкованию других памятников этого времени, учитывая, конечно, соответствующие изменения.

Закон Судный почти полностью раскрывает процедуру отработки пленным челядинной цены, за которую засчитывается ему работа, строго оцененная погодно (ср. «на день», поденно ст. 9 договора 911 г.). Цена работы в год точно устанавливается перед послухом, т. е. хозяин заключает с пленником известный договор, ряд, который, вероятно, нельзя было нарушить. Эти правила, несомненно, не исключительно греческого установления. В договоре 944 г. отмечается только Русь, «работающе у Грек», т. е. главным образом русские пленники, работавшие в Византии, а о греках нет ни слова.

Очевидно, на Руси в этот период пленников, посаженных на землю и отработывавших свой выкуп, было мало. Челядь там была главным образом предметом купли, но возможность отработки пленным своей цены на Руси предусматривали и Закон Судный и сами договоры. Выкуп пленных как обычное явление, существовавшее в славянском обществе, отмечался в свое время Псевдо-Маврикием (VI в.), а в более позднюю эпоху об этом говорил Мискавейх. Рассказ последнего о походе Руси 944 г. даже хронологически совпадает с изучаемым временем.

Если в ст. 9 устанавливался общий порядок выкупа пленных, то в статье 11 договора 911 г. регламентировалась выкупная цена пленного⁵⁵: «От руси, о пленени. Многажды от коеа любо страны пришедшим в Русь и продаемым в Хрестьяны. И еще же и от Християн плененных (многажды) от коеа любо страны приходящим в Русь, се продаеми бывають по 20 злата, и да приидуть в Греки». В этой системе почти принудительного и, во всяком случае, тщательно регламентированного выкупа, кроме общего сходства с рассказом Мискавейха о походе на Бердаа в 944—945 г., есть одна общая для этих источников характерная деталь — в обоих случаях русы назначают величиной выкупной цены 20 диргемов⁵⁶.

В договоре 944 г. вопросам выкупа посвящена одна (седьмая) статья. Если мы сравним эту статью договора 944 г. с соответствующими статьями договора 911 г. (9, 11), говорящими также о порядке выкупа пленных, то заметим ряд характерных изменений. Перед нами прежде всего нет общей части о выкупе пленника (ср. 9-я статья 911 г.). Это объясняется отчасти тем, что общая часть была дана ранее в договоре 911 г., отчасти вследствие новых условий складывания договора, под влиянием которых ряд пунктов ст. 9 договора 911 г. фактически отменялся. Выкупная цена за пленного снижается больше чем вдвое (вместо

⁵³ «Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции», стр. 63; ср. «Закон Судный людем Краткой редакции», стр. 38.

⁵⁴ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, М., 1941, стр. 58, 61.

⁵⁵ ПРП, вып. I, стр. 9.

⁵⁶ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 66.

20 золотых — 10, 8, 5). При этом, если ранее цена в 20 золотых платилась по ст. 9 договора 911 г. независимо от того, куплен ли пленник или взят в бою, то теперь для греков устанавливалось правило, что если челядин ими куплен, то платилось столько, сколько было заплачено при покупке,— несомненная льгота грекам сравнительно с договором 911 г. Появление этой льготы объясняют условия составления договора 944 г., более тяжелые для русских по сравнению с 911 г. Вероятно, грекам удалось восстановить правило выкупа купленных ими пленников, обычное для греческих законов и существовавшее до договора 911 г. Согласно Закону Судному берется та выкупная цена, за которую хозяин купил раба,— сравни сам термин «купля», т. е. цена покупная и выкупная. Ухудшение для русских условий выкупа их пленников сказалось и на том, что за них теперь всегда платилось 10 золотых, тогда как за греческого пленника — 10—8—5 золотых, в зависимости от категории, к которой относится выкупающийся. Цену, которую заплатил грек за русского пленника, он удостоверяет «под хрестом», т. е. присягает. Такая «рота» — присяга известна договорам и при решении других вопросов, касающихся челяди (см. ст. 3 договора 944 г. и т. д.).

Второй раздел, трактующий о челяди в договорах Руси с греками, посвящен сыску беглых. По аналогии с первым разделом и здесь различается общее установление (относительно розыска) от конкретной ответственности за побег раба, расценка беглого раба. В статье 12 договора 911 г.⁵⁷ речь идет о краже русского челядина или о его бегстве, или о насильственной («по нужи») продаже его русским купцом. Если челядин подтвердит, что он продан насильно, против воли прежнего господина, то его отбирают обратно. Та же процедура — после заявления гостей. Если чиновник («местник»)⁵⁸ не даст свершить этого испытания, то он виноват. Вся статья говорит о бегстве челядина от русских и об ответственности за это греков, о греческих рабах нет ни слова. Быть может, вводимая гарантия розыска русской челяди была следствием удачного похода русских на Царьград, после которого был заключен настоящий договор. Упоминание о запрете насильственной продажи грекам русского раба также вяжется с таким объяснением (он продавался, видимо, за сделанные долги).

Ст. 12 договора 911 г. предусматривает два случая: когда известно и когда неизвестно, где находится беглый челядин. В первом случае хозяину раба разрешалось его забрать. Во втором случае после заявления («жалобы») Руси розыск производит византийский чиновник («местник»). Если раб обнаруживался, то забирался хозяином, если же не обнаруживался из-за чиновника, то он и виноват в этом. Но статья 12 оставляет ряд недоуменных вопросов: 1) как быть, если раб не найден, но не по вине чиновника, 2) какова реально ответственность чиновника, 3) какова расценка беглого раба. Что эти вопросы должны были затрагиваться в договоре 911 г., видно из сопоставления с договором 944 г., ст. 3 которого устанавливала плату греков за беглого челядина, если он не найден,— две поволоки, «якоже уставлено есть первее» (т. е. в договоре 911 г.). Кроме того, поскольку структура статей о краже челяди напоминает структуру статей о выкупе, то тем более необходима была расценка беглого челядина (аналогично расценке беглого пленника), иначе и слова «погубить правду» были бы слишком неопределенны, как показатель ответственности местника. Должна была бы быть в договоре 911 г. и процедура расследования, производимого чиновником,— о ней тоже не сказано ни слова, она разумеется известной («сего искушения»). Едва ли она заключалась только в опросе челядина (раба нужно было сперва найти). Думается, что первоначально фигурировала и награда за пере-

⁵⁷ ПРП, вып. I, стр. 9.

⁵⁸ См. Д. М. Мейчик. Указ. соч., ЖМНП, 1917, май, стр. 41.

хват челядина, тем более, что в договоре 944 г. в ст. 4 такая награда упоминается, хотя уже совсем в ином плане. Неясна в ст. 12 и часть о гостях. В настоящем виде она является бессмысленным повторением. Все это заставляет нас присоединиться к мнению А. А. Шахматова о том, что после слов «обретаему ту да поимуть и...» в тексте договора, переданном Повестью Временных лет, был пропуск⁵⁹.

Договор 944 г. (ст. 3) подробнее останавливается на расценке выкупа: «Аще ускочить челядин от Руси, понеже придуть в страну цезарьствия нашего и от святого Мамы, (и) аще будеть (обрящется), да поимуть и; аще ли не обратится, да на роту идуть наша христианнаа Руси по вере их, а не хрестыянии по закону своему (в том, что сбежал.— А. З.), ти тогда взимають от нас цену свою, якоже уставлено есть прежде, 2 паволоце за челядин»⁶⁰. Сюда непосредственно примыкает статья о краже какой-либо ценности бежавшим челядином (ст. 4). «Аще ли кто от людии цесарства нашего (и)ли от града нашего или от инех град ускочить челядин наш к вам, и принесть что, да вспятать и опять; а еже что принеся будеть все цело да възмуть от него золотника два (имечнаго)». В ст. 3—4 договора 944 г., как и в вопросах выкупа пленных, отсутствует общая часть (в данном случае о сыске беглых). Новостью здесь, как и в вопросах выкупа пленных, является добавление о греческой челяди (договор 911 г. говорил о бегстве рабов от Руси). Преимущества русских постепенно стирались. Это сказалось и на других частях статьи. Вводился обязательный возврат грекам вместе с челядью и вещей, украденных рабом, за что возвращавшие вознаграждались (об этом для русских нет ни слова). Интересно отсутствие в договоре 944 г. раздела о чиновнике — греки пытались освободиться от ответственности за сыск челяди. В ст. 3—4 нет ничего ни о показаниях челядина, ни о принудительной продаже его (за долги), признанной ранее недействительной. Вероятно, теперь, согласно византийским законам (см. Закон Судный), за долги раб отбирался у хозяина. Наконец, для уплаты за беглого челядина двух паволок теперь требуется присяга русских, что пленник действительно бежал от них (в договоре 911 г. речь шла просто о жалобе русов).

Таков в самых общих чертах анализ установлений договоров с греками о пленных и челяди.

Нам уже приходилось указывать на близость их к византийскому праву. Вместе с В. О. Ключевским можно сказать, что «русское рабовладение приходило в непосредственное соприкосновение с греко-римским правом»⁶¹.

Это не значит, что перед нами международное законодательство, не связанное с условиями древнерусской жизни. Значительная часть постановлений договоров находит свое соответствие в древнейшем русском законодательстве. Отдельные статьи договоров указывают, что в это время складываются нормы ответственности за побег челядина и его кражу, перекликающиеся с позднейшими установлениями Русской Правды. Например, ст. 12 договора 911 г. по содержанию и строю напоминает аналогичный случай в Русской Правде (ст. 11 Кр. Пр.⁶²), но там интересы владельцев челяди защищаются не от греков, а от варягов.

⁵⁹ «Повесть Временных лет», ч. 1, Пг., 1916, стр. 39. А. А. Шахматов полагает, что далее стояло, судя по договору 944 г., «аще ли не обрящется, да на роту идуть по закону своему ти тгда взимають от нас цену свою дьва паволоце за челядин». См. также его же. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. «Записки Неофилологического общества», вып. VIII, Пг., 1915, стр. 400.

⁶⁰ ПРП, вып. I, стр. 32.

⁶¹ В. О. Ключевский. Соч., т. VII, М., 1959, стр. 342.

⁶² Под Кр. Пр. здесь и ниже мы разумеем Краткую Правду по Академическому списку (если нет специальных оговорок); под Пр. Пр.— Пространную Правду по Трошскому 1-му списку.

Новые черты в отношении к рабам, появившиеся по сравнению с периодом VI—IX вв., обуславливались двумя основными моментами — появлением и широким распространением челяди-товара и переключением внимания на челядь-собственность отдельных лиц, в противоположность общинному патриархальному рабовладению, о котором говорят иностранные авторы VI в.

Это не могло не отразиться и на правовом положении рабов. Если они раньше селились «на положении свободных и друзей» (Псевдо-Маврикий) среди свободолюбивых славянских племен, то теперь разница в положении свободных и рабов становится все более очерченной. Если внимательно приглядеться к правилу, по которому убийство раба не карается судом, то оказывается, что оно сложилось уже в это время, и безапелляционное утверждение Правосудия Митрополичьего «аще ли убьет осподарь челядина полного, несть ему душегубства, но вина есть ему от бога»⁶³ основывается на более ранних постановлениях. Следы этого заметны уже в Законе Судном людем, где это правило еще немного мягче — «аще кто биеть раба своего или рабу свою жезлом и умереть от руку его, судом да ся мстить (т. е. в случае немедленной смерти.— А. З.); аще ли пребудеть день или два, да не мститися, свое бо есть имение»⁶⁴. Последняя мотивировка особенно ярко подчеркивает превращение раба в бесправную часть «имения». Самым убедительным доказательством этого является положение о холопе, ударившем «свободна мужа». Впервые оно встречается в ст. 17 Правды Ярослава, но он и здесь, как во многом другом, в основу положил уже сложившееся к этому времени обычное право, лишь изменив его соответствующим своим задачам образом. Таким позднейшим изменением являются те части статьи, где говорится об укрывательстве преступника, который приобретает такую ценность для укрывающего его господина, что тот готов уплатить цену его жизни (причем повышенную — 12 гривен). Вначале статья звучала более лаконично и определено: «или холоп ударить свободна мужа... то холопа пояти... да бьют его». При чем «бьют» здесь имеет смысл «убьют», так как ст. 65 Пр. Пр. определено говорит «Ярослав был уставил убити и», именно так расшифровывая смысл «бьют». Интересно, что позднейшие вставки затемнили первоначальный смысл статьи, внесли в него логические несоответствия, так как «холопа пояти» не вяжется с предыдущим «а господин начнет не дати его» и последующим «да платить господинь за нь 12 гривне, а за тым, где его налезуть...» и т. д. Когда Ярослав ввел возможность выкупать холопа, то естественно «ять» холопа у господина было нельзя, и слово «пояти» в данном тексте остается бессмысленным архаическим пережитком. Это и пытается исправить Ростовский список, известный В. Н. Татищеву, вставляя здесь «не яти» вместо «пояти»⁶⁵.

Если холопа могли убить посторонние, то, конечно, мог убить его и сам хозяин (ср. даже позднейшую ст. 89 Пр. Пр., Правосудие Митрополичье и т. д.). Раб вообще был тогда целиком собственностью господина.

Уже в эпоху договоров Руси с греками появляются источники порабощения внутри страны (хотя основным контингентом рабов остаются пленники, захваченные во время походов, и купленные рабы). У нас осталось чрезвычайно мало свидетельств, говорящих прямо об источниках рабства на Руси в X в. Но кое-что мы можем вывести как из свидетельств иностранцев, так и из позднейших русских источников. Ибн-Фадлан, например, упоминал о случаях, когда жена и дети бежавшего предводителя обращались в рабство⁶⁶. Рабство было наказанием для некоторых категорий преступников, что отразилось позже в правиле, по которому в ряде случаев преступникам прощалась их вина и они пере-

⁶³ ПРП, вып. III, М., 1955, стр. 428.

⁶⁴ «Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции», стр. 71.

⁶⁵ «Правда Русская», т. II, М.—Л., 1947, стр. 829.

⁶⁶ А. П. Ковалевский, Указ, соч., стр. 147.

ходили в состав церковной челяди под названием «прощенников», т. е. становились рабами церкви⁶⁷.

Именно в этот период, примерно в X в., на Руси в связи с развитием классового неравенства возникает обращение свободных в холопов. В период военной демократии этого явления не было, — рабы по положению не отличались от свободных, к тому же Прокопий прямо говорит, что у антов не было обычая обращать соплеменников в рабов⁶⁸. Значит, во всяком случае до половины IX в. этого явления не было. Однако Гардизи (середина XI в.) писал о русах уже иное: «и так (у них) находится много людей из славян, которые служат (как рабы?) им (русам), пока не избавятся от зависимости (рабства)»⁶⁹. В «Худуд ал-алам» тот же текст дан несколько иначе: «среди них ест группа славян, которая им (русам) служит»⁷⁰. Следовательно, возникновение закабаления свободных, превращение их в рабов относилось к более раннему периоду. Начиная со времени издания Правды Ярослава в 1016 г., идет цепь узаконений, улучшающих положение холопов (в частности, ограничение убийства холопов и т. д.). В начале XII в. Владимир Мономах, как мы увидим ниже, уже ограничивает источники холопства из свободных (ст. 110—111 Пр. Пр.). Естественно, что возникновение закабаления свободных в наиболее непримиримых формах (запрет жениться на рабе и т. д.) следует искать в период, когда этих улучшений еще не было, до 1016 г., т. е. в X в. Этот наш вывод подтверждается тем, что уже в X в. сложилось презрительное отношение к рабам. Презрение к рабам сквозит и в надменном ответе дочери Рогвольда на предложение Владимира: «Не хочу розути роби-чича»⁷¹. «Робичичи» уже в X в. отличаются от свободных. Правило, по которому женитьба свободного на рабе каралась рабством, сложилось уже к этому времени. О женитьбе на рабе говорит Закон Судный, правила которого довольно рано проникли на Русь. Источником рабства являлась уже, вероятно, в это время самопродажа. Долг купца или вообще долг (ср. 54—55 Пр. Пр. с позднейшей ст. 110, где это правило уже ограничено) также являлся причиной продажи в рабство. Весьма правдоподобно поэтому, что уже в X в. сложилась основа ст. 110, где упомянуты некоторые из перечисленных случаев обращения свободных в холопство: «Холопство... трое: оже кто хотя купить до полугривны⁷²... а второе холопство поиметь робу... а се третье холопство: тивунство... (или привяжет ключ к себе)». Об остальных источниках обращения свободных в рабов мы знаем совсем мало. Нам ничего неизвестно, когда сложилось правило продажи сыновей в рабство, которое было ограничено много позднее. Быть может, оно существует уже в изучаемое время, во всяком случае уже в 1230 г. новгородцы продают детей во время голода в рабы за прокорм («даяху отци и матери дети свое одырень ис хлеба гостым»⁷³, ср. «хлеб», как средство порабощения, в статье 111 Пр. Пр.).

Итак, в X в. складывается неизвестное ранее правило обращения свободных соплеменников в рабов. Мы говорим о возникновении явления порабощения свободных; отдельные источники обращения свободных в рабов могли возникать и позднее в зависимости от различных обстоятельств. Все эти источники обращения в рабство свободных были весьма слабо развиты в ту эпоху, когда плен и рождение от раба являлись основным источником рабства (договоры с греками вовсе не знают продажи

⁶⁷ См., напр., преступники «просящие прощения... работающе в Печерском монастыре рабом» («Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911 (далее: Киево-Печерский патерик), стр. 98).

⁶⁸ Мишулин, стр. 236.

⁶⁹ Перевод А. П. Новосельцева (см. указ. рукопись).

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ПВЛ, ч. 1, стр. 51.

⁷² Речь идет о самопродаже в холопство.

⁷³ «Новгородская Первая летопись». М.—Л., 1950 (далее: НПЛ), стр. 71.

в рабство за долги). Вообще же в Киеве того времени скоплялось значительное количество рабов. Титмар Мерзебургский (около 1018 г.) замечает, что там «народу несметная сила, которая, как и во всей здешней области, и составляет главным образом из беглых рабов, стекающихся сюда со всех сторон, в особенности из проворных данов»⁷⁴.

Главным способом использования челяди в изучаемое время была торговля ею. Еще велика была заинтересованность в получении за рабов барышей, выкупа. Бытовали и другие виды применения труда холопов. В. О. Ключевский, ссылаясь на свидетельство арабов, говорил: «Еще в X в. арабские писатели заметили, что русские купцы имели обычай поручать своим рабам ведение торговых дел»⁷⁵. Если такой холоп делал долги, то его личностью отвечал за него хозяин (ср. «по нужи продан» договора 911 г.). К концу этого периода встречаются случаи, когда челядь используется при земледельческих работах. Во всяком случае так поступила Ольга с покоренными древлянами: «овых изби, а другая работе предасть мужем своим, а прок их остави платити дань»⁷⁶ («работа» — обычно труд земледельческий). Но развивается это явление гораздо позже в связи с процессом оседания князя и дружины на землю. Холопы могли быть кормильцами и тиунами. Нам известен Асмуд (кормилец) Святослава, игравший важную роль в свое время⁷⁷. Значительная роль рабов при дворе короля в дофеодальном государстве отмечена Энгельсом, писавшим, что «у франков рабы и вольноотпущенники короля играли большую роль сначала при дворе, а затем в государстве»⁷⁸. Они были кадрами, из которых князь и дружина вербовали себе послушную свиту в борьбе с еще сильной общиной. Они могли просто обслуживать двор князя. Мы знаем ключницу рабыню Малушу, которая была матерью Владимира, сотни наложниц Владимира и т. д.

Правовое положение всех этих различных видов челяди в целом уже характеризовалось выше (по законодательству хозяин имел право распоряжаться жизнью и смертью раба, за оскорбление свободные имели право убивать рабов, за кражу рабы отдавались потерпевшему и т. д.). Наряду с этим складываются уже некоторые отличия для высших слоев рабов. Конечно, положение рабов-советников князя нельзя и сравнивать с положением бесправной дворни. Лучше, естественно, было положение рабов, которые заключали договор (ряд) с хозяином о выкупе из рабства. В связи с тем, что рабы еще не столь часто употреблялись в хозяйстве, русы охотно шли на выкуп пленных. Договора с греками, Закон Судный, дополненные рассказами Мискавейха, подчеркивают, какое большое значение в те времена имел выкуп пленных-рабов. Искупающиеся пленники могли или прямо заплатить всю цену («челядинну цену» — «искупное» договоров, «уреченную цену» Кормчей, «куплю» договоров и Закона Судного) или отработать ее в течение ряда лет, причем процедура выкупа и расценка точно регламентировались перед послухами, т. е. господин заключал известный договор с холопом — ряд. Эта процедура, думаю, могла применяться к любому виду рабов, а не только к пленным. Закон Судный вслед за описанием выкупа пленного добавляет: «Тако иже работает из робы, свещает цену его пред послухы, да отпускается»⁷⁹. Особенностью права, существовавшего для должников и других групп рабов, выкупавшихся на свободу, было, вероятно, то, что согласие на выкуп или отказ от него всецело зависели от воли хозяина (тогда как

⁷⁴ В. Д. Корольюк без какой-либо аргументации считает, что у Титмара под термином «servorum» «имеются в виду, вероятно беглые крестьяне» (В. Д. Корольюк. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв., М., 1964, стр. 254).

⁷⁵ В. О. Ключевский. Соч., т. VII, стр. 359.

⁷⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 43.

⁷⁷ Там же, стр. 40.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 143.

⁷⁹ «Закон Судный людям Пространной и Сводной редакции», стр. 63.

пленный мог выкупаться по собственному желанию — ср. договор 911 г.). В целом же складывается определенная категория челяди, независимо от ее источников, заключавшая «ряд» с хозяином и имевшая право выкупа, которое не могло быть нарушено, так как заключался форменный договор. В этом явлении (лучше всего отраженном в главе 50-й Кормчей и в Законе Судном) заключены все основные элементы, которые позже составят институт закупничества, но разовьются они через столетие, когда князь и его дружина прочно оседают на землю, переключают свое внимание на внутреннее устройство своего хозяйства. Здесь же необходимо отметить только принципиальную возможность такой отработки выкупа, который и в это время уже достаточно регламентируется, — цена отработывается в течение ряда лет, и на каждый год назначается определенная цена работы раба. Часть выкупившихся, довольно значительная, не покидала страны, занимая какое-то промежуточное положение и не входя в состав общины, по отношению к которой они считались изгоями. Термином «изгой» все чаще стало покрываться понятие вольноотпущенника, хотя он сохранял и широкое значение не члена общины.

Но процесс выкупа на свободу путем отработки (главным образом на земле, хотя могло быть и в виде тиунства) сам по себе свидетельствует о том, что рабы уже начинают использоваться на земле. Начинается оседание дружины и князей на землю. Интересы земледельческого производства все больше и больше проникают собой нравы эпохи. В связи с этим в процессе выкупа перед нами выступает не только челядь-товар, имеющий свою цену, но известную ценность представляет его труд, который тщательно погодно регламентируется (Закон Судный, договор 911 г.). Конечно, не одни только такие выкупающиеся составляли рабочую силу рождающихся княжеских имений. Главным образом ее составляли рабы, навечно остающиеся в своем положении. В этом плане свидетельство летописи, что Ольга предала пленных древлян работе (а «работы», повторяем, в то время главным образом рабский земледельческий труд), говорит о рождении новой категории рабов — рабов, посаженных на землю. Закладывались основы позднейшего института смердов, упомянутых впервые во всяком случае в самом начале XI в. (под 1015 г. в Новгородской первой летописи) ⁸⁰.

Общий итоговый обзор этого периода дает картину живого, богатого политическими событиями века, который решительно ограничивает последующую эпоху от порядков родового строя, элементы которого сохраняются лишь в форме пережитков и, конечно, главным образом в общине, генетически связанной с умирающим родом. Но это составляет содержание совершенно иной темы, которую можно представить себе как параллельную, лишь местами соприкасающуюся с общей линией развития, прослеживаемой в этой работе. Здесь же в центре внимания стоят преимущественно частновладельческие элементы, которые все решительнее выделяют себя из общинной массы, пользуясь при этом своим имущественным превосходством. Оно сказывается во всем строе их жизни, не имеющей ничего общего с патриархальными нравами общины. Далеко не последнее место среди вновь приобретенных богатств занимают военнопленные-рабы, которые в общине подчинялись ее смягчающим патриархальным правилам жизни, а в умелых руках дружинников князя — полувоинов-полукупцов превратились в объект оживленной торговли, источник новых накоплений. Но вот развитие производительных сил выдвигает новую форму ценностей — землю, которая при освоении становилась сама богатством и привлекала к себе внимание прежних воинов-дружинников, возглавленных князем. Все они постепенно оседают на землю — процесс, который переступает уже порог XI в. И естественным

⁸⁰ НПЛ, стр. 175; А. А. Зимин. О смердах Древней Руси XI — начала XII в. «Историко-археологический сборник», М., 1962, стр. 222—227.

было оседание в одном производственном комплексе этих двух форм богатства — земли, которая нуждалась в обработке, и рабов, которые были самой удобной рабочей силой, имеющейся под руками в полной власти землевладельца, тогда как община для него была «враждебным станом».

Но в только что рассмотренный период все эти процессы носят еще подпочвенный, подготовительный характер. В стадии становления здесь можно найти выделение из челяди-товара личных слуг, которые потом будут обслуживать двор князя в виде холопов. Не прекратит своего существования и тот разряд челяди, который занимает промежуточное положение «искупающихся». Труднее всего, естественно, найти в документах следы осаживания рабов на землю, ибо в эту эпоху вообще еще слабо оформлено землевладение, но и они уже изредка появляются (рассказ о древлянах).

Однако внутренняя дифференциация еще не привела к правовому различию в положении рабов. Все они в общем известны под одним названием «челяди» — рабов и в общей массе своей противопоставляются (в это время с особенной резкостью) положению свободных.

2. ЧЕЛЯДИН И ХОЛОП В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЯРОСЛАВА МУДРОГО И ЯРОСЛАВИЧЕЙ

Первая кодификация русского права относится ко времени Ярослава Мудрого. Эта попытка не обнимала собою всей массы обычаев и правил, которыми жила Древняя Русь начала XI в.

К началу XI в. в обстановке сокращения походов в дальние страны, складывания феодальных отношений, ограничивался и приток рабов на Русь. Ценность их в связи с этим повышалась. Поэтому все статьи, связанные с положением челядина, заботятся прежде всего о тщательном розыске его в случае побега или кражи.

Так, статья 11 Краткой Правды гласит: «Аще ли челядин съкрыется любо у варяга, любо у колбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и в третий день, то изымати ему свой челядин, а 3 гривне за обиду». Варяг и колбяг здесь выделены именно потому, что они являются олицетворением старого отношения к челяди как к товару. Именно они могли перепродать, вывести челядина, «изъять» его из производства, что вовсе не соответствует потребностям времени. Вот почему так энергично ограничиваются их права. Выделение статьи было необходимо именно в связи с появлением «варяга» и «колябяга». Но самым существенным является выделение челядина из других видов украденных вещей, причем в статью, связанную с княжеским двором и его окружением (ст. 11 Кр. Пр.). Здесь несомненна связь с превращением общинного, патриархального рабства в частновладельческое. Может быть, это не совсем добровольное выступление князя против интересов своих приближенных, вызванное бурными событиями 1015 г.

Бросается в глаза сходство ст. 11 со ст. 13 Кр. Пр. По внешней форме эти статьи почти дословно повторяют друг друга:

Ст. 13

Аще поймет кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своемь миру, то^узяти ему свое, а 3 гривне за обиду.

Ст. 11

Аще ли челядин съкрыется любо у варяга, любо у колбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и в третий день, то изымати ему свой челядин, а 3 гривне за обиду.

Ст. 13 первоначально по сравнению со ст. 11 (ст. 11 ее частный казус, выделение которого необходимо именно в связи с появлением «варяга и колбяга»). Сложная процедура свода, о котором говорит ст. 14, связанная со ст. 13, возникает позже. Более ранним является элементарный принцип: при обнаружении кражи взять свое имущество (принцип этот нетрудно выделить из текста статьи 13 Кр. Пр., которая вначале звучала

так — «аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт... то взяти ему свое»). Что краденной «вещью» мог быть и холоп-челядин, видно из ст. 11 Кр. Пр., где за укрывательство, равносильное краже челядина, уплачиваются те же «3 гривне за обиду», что и в статье 13. Правило «взять свое» корнями своими уходит, быть может, еще в родовой строй, но сохраняется и позже, в территориальной общине. Однако здесь уже появляется вставка к ст. 11 «познает в своемъ миру». На этой основе, по образцу ст. 13, появляется ст. 11.

Этим же стремлением сберечь своего челядина проникнута и ст. 16 с ее подробной процедурой свода и возвращения челядина господину, хотя бы он при продаже прошел через несколько рук. Когда во время свода доходили до третьего лица, купившего беглого или краденого раба, то этот добросовестный приобретатель должен был временно передать хозяину раба своего челядина и продолжить розыск.

Б. А. Романов по этому поводу тонко заметил, что в ст. 16 как бы подразумевается, что «каждый купивший краденого челядина обычно имеет рабов и кроме того»⁸¹. В Законе Судном мы встречаемся со сходным принципом: лицо, присвоившее чужого раба, обязано отдать вместо него своего и еще дополнительно его стоимость⁸².

И. И. Смирнов считал, что текст ст. 16 «явно неполон, так как в ней отсутствуют санкции в отношении похитителя челядина»⁸³. По его мнению, ст. 38 Пр. Пр. использовала ст. 16, но в более исправленном виде, т. е. с указанием на штраф «за обиду». Но в ст. 38 Пр. Пр. вся статья дана в совсем иной редакции. Не только князь получал штраф «продажу» в 12 гривен, но еще потерпевший «протор», в соответствии с новыми принципами уголовного права. Штрафа за кражу в 12 гривен Правда Ярослава еще не знает. Санкции же ст. 16, очевидно, вовсе не содержала, ибо посвящена была процедуре сыска челяди (не содержала также санкции и ст. 14, также посвященная своду). За кражу челядина полагалось, вероятно, платить так же, как и за его укрывательство, — т. е. 3 гривны «за обиду» (ср. ст. 11 и 13).

Особенно интересна статья 17 Кр. Пр., которая ограничивает возможность убийства холопа за оскорбление свободного мужа. Ярослав, сохранив возможность убийства холопа, ввел возможность его выкупа. Если холоп бежал к господину, тогда его постановлено было «не яти»⁸⁴, но господин платил потерпевшему (о том, что эта статья была введена Ярославом, см. ст. 65 Пр. Пр.).

Вся первая часть ст. 17 («Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнет не дати его... да платить господин за нь 12 гривне») уже подчеркивает, что если господин дорожит рабом, он может купить его жизнь определенным штрафом. Эта статья интересна также и тем, что она впервые в Кр. Пр. упоминает о челядинной цене, которая устанавливается очень высокой — 12 гривен, равной высшему виду оскорбления свободным свободным. Ранее обычная цена раба равнялась 5 гривнам (см. выше).

Внимание к внутреннему устройству господского двора проявляется также и в том, что терминологически выделяются особые группы из старейшей массы челяди. Именно в это время появляется термин «холоп», который впервые встречается нам в ст. 17, связанной совершенно определенно

⁸¹ Б. А. Романов. Люди и нравы Древней Руси, Л., 1947, стр. 652.

⁸² «Закон Судный людем Краткой редакции», стр. 53.

⁸³ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 109.

⁸⁴ Б. А. Романов считал, что ст. 17 предписывалось «поить» холопа, так как статья должна была «отразить не защиту интересов холоповладельца, а защиту мелких городских «свободных мужей» от самоуправства холоповладельцев» (Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 53). Правда Ярослава, однако, защищала интересы верхушки новгородского общества, в том числе и холоповладельцев (см. ст. 11 Кр. Пр.). Это не позволяет принять вывод Б. А. Романова.

с деятельностью Ярослава. «Холоп» здесь ясно определяет крайнюю степень рабской зависимости от господина, т. е. именно ему грозило смертью оскорбление «свободного мужа». Итак, «холоп» впервые появляется как обозначение объекта купли-продажи, дворовых рабов.

В летописи первое упоминание о холопе относится к 986 г.: «В Самарии же царствова Иероуам, холоп Соломанъ»⁸⁵. Эта запись сделана, по мнению А. А. Шахматова, именно в правление Ярослава, когда был составлен Древнейший Свод 1039 г. «Холоп» в рассказе летописи фигурирует как раб, слуга уже с известным оттенком презрения. Сама жизнь сформировала этот тип раба, а для объяснения возникновения термина можно было бы принять остроумную гипотезу А. И. Яковлева, который возводит «холоп» к греческому «есклабос»⁸⁶. На западе часто *slave*, *sc̃lavus* означает раба. Появление «холопа» на Руси, по мнению А. И. Яковлева, быть может, связано со сношениями во время Ярослава с западными нашими соседями — Чехией и Польшей, где первоначальное западное звучание перешло в *chlār* (Чехия) и *chlōr* (Польша), тем более, что к этому времени относится массовый захват пленников Болеславом (1018 г.) и поселение пленных ляхов Ярославом в 1031 г. С этим же А. И. Яковлев связывает и возникновение местечка «Халепье» между Киевом и Росью⁸⁷. Правда, по поводу этих последних соображений можно сделать ряд недоуменных замечаний: 1) термин «холоп» употребляется еще в 1015 г. (Правда Ярослава), т. е. до сношений с Болеславом; 2) термин «холоп» первоначально применялся к рабам, не связанным с землей, последние, как мы увидим, именовались «смердами». ореол распространения термина «холоп» шире, чем представляет А. И. Яковлев. Здесь и древнеболгарское «хлaп» (раб), сербо-хорватское и словенское «hlap», верхнесербское «khlōr» (парень)⁸⁸. Таким образом, очевидно, перед нами термин, имеющий общеславянские истоки.

Так или иначе, к началу XI в. в источниках появляется термин «холоп». С. В. Бахрушин справедливо отмечает, что «в ранних памятниках X в. (Договоры с греками) термин «холоп» еще не известен»⁸⁹.

Если за рабом мужского пола закрепляется термин «холоп», то женщина-рабыня начинает именоваться «робой». Последний термин происходит от «работы», которым именовался труд несвободного человека как в Повести Временных лет, так и в церковных текстах⁹⁰. Термины «раба» и «раб», «поработить», «работа» широко встречаются в Законе Судном людем⁹¹. Появление нового понятия на Руси было связано, как правильно пишет Л. В. Черепнин, «с процессом роста феодально-зависимого крестьянства, переходом в его состав бывших рабов и попыткой законодателя четко определить источники холопства и отграничить рабское население... от остальных социальных категорий»⁹².

Прекращение походов и переход к крупновладельческому земледелию вводят в русскую жизнь новое, очень интересное явление. Начинается массовое осажение рабов на землю, что было отмечено многими иссле-

⁸⁵ ПВЛ, ч. I, стр. 68.

⁸⁶ Σκλαβος («ск» — переходит часто в «х»). Ср. «tusca» — «муха»). См. подробнее А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 296—298. Впрочем, этимология, предложенная Яковлевым, встречает, на наш взгляд, справедливое возражение В. В. Виноградова, который писал, что «никаких следов переделки сочетания «ск» в «х» в славянских языках... не удалось обнаружить». («Исторический журнал», 1944, № 10—11, стр. 120).

⁸⁷ Там же, стр. 15.

⁸⁸ М. Vаsпег. Указ. соч., т. 3, стр. 257.

⁸⁹ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 170.

⁹⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 16—17, 37, 49, 65; «Киево-Печерский патерик», стр. 79, 83, 181 и др. Подробнее об этом см. Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси, стр. 237—238.

⁹¹ «Закон Судный людем Краткой редакции», стр. 39 и след. К. Kahпek Schmidt. Soziale terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters, Kopenhagen, 1964, S. 55—56.

⁹² Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 257.

дователями, в том числе и Б. Д. Грековым, который видит «признаки отмирания рабского труда... в развитии практики сажания рабов на землю и превращения их в крепостных»⁹³ С. В. Бахрушин отмечал, что «с XI века раб используется уже в сельском хозяйстве»⁹⁴. Было бы странным, если бы это массовое явление, особенно важное для хозяйственной жизни крупного землевладельца, не отразилось в древнерусском законодательстве.

* * *

Статьи 19—40 Краткой Правды представляют собою единое целое, которое в литературе получило название княжеского устава Ярославичей, так как статьи эти при общей стройности и целенаправленности рисуют живую картину крупного княжеского землевладельческого хозяйства. Анализ этих статей и соответствующих разделов Пр.Пр. вводит исследователя уже в обстановку середины XI в., который во многих отношениях является переломным в истории Киевской Руси. Процесс освоения земли землевладельцами, намеченный в предыдущем периоде, получает окончательное завершение и требует немедленного решения вопроса о рабочей силе, так как прежнее использование труда челяди перестает удовлетворять запросы развившегося земледельческого производства. Несомненно, XI в. является временем утверждения феодальных отношений. Феодализация шла в этот период за счет использования внутренних ресурсов крупного хозяйства, за счет трансформации труда челяди. Хозяйство князя по Уставу Ярославичей не знает еще применения труда ни свободных общинников, ни изгоев. Процесс феодализации на этом этапе поддается только такому толкованию, иначе приходится делать ставший традиционным искусственный скачок прямо во вполне сложившееся крепостное право, оставляя в стороне вопрос, каким образом масса рабов (наличия большого количества которых не отрицает, кажется, никто) исчезает бесследно, тает под первыми лучами восходящего солнца новой феодальной эпохи. Несомненно, в этот процесс феодализации были вовлечены и основные массы населения, которые к концу данного периода перестают быть сплоченной, однородной общинной массой — отдельные ее члены попадают в орбиту землевладельческого влияния. Но даже и в этом случае взаимоотношения между ними и новыми господами складываются в самом начале по образцам, которые были уже созданы в господском хозяйстве в результате превращения раба в крепостного. Именно это, как нам представляется, имеет в виду Энгельс, характеризуя «крепостное право раннего средневековья, сохранившее в себе еще много черт древнего рабства»⁹⁵. Таким образом, результатами розысков следов видоизмененного рабства в наших русских источниках решается очень существенная методологическая проблема, объясняются многие черты позднейших феодальных отношений, восстанавливается необходимая постепенность и последовательность сложного процесса феодализации, который нельзя с самого начала упрощать до феодально-крепостной схемы, взятой из разложившейся общины. Тем более, что община только что в предшествующий XI в. период дала самый энергичный отпор античным формам рабства.

Устав Ярославичей впервые подробно останавливается на внутреннем распорядке хозяйства князя и его дружины, осевших на землю. Впервые этому хозяйственному строю посвящается особое законодательство, хотя оно корнями своими уходит в «Уставы и уроки» Ольги и Устав о «строе земледем», о котором рассказывает летопись под 996 г.: «Бе

⁹³ Б. Д. Греков. Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим. «Историк-марксист», 1939, № 4, стр. 142.

⁹⁴ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 176.

⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 339.

бо Володимир любя дружину, и с ними думая о строи земленем и о ратех и о уставе земленем»⁹⁶.

В княжеском уставе Ярославичей впервые ясно видна смена старого термина «челядь» термином «холоп». Теперь термин «холоп» употребляется для обозначения всех категорий рабов (ср. ст. 11—16 Кр. Пр. со ст. 29 Кр. Пр.), хотя последний продолжает иметь и другое значение, более узкое — домашнего раба, слуги (ст. 26 Кр. Пр.).

Термин «челядь» на время исчезает из летописи и Русской Правды и сохраняется лишь в церковной литературе, где он имеет свою историю, или приобретает позже иной смысл, как с XII в. в Галиче, близкий по значению к военнопленным.

Иначе представляет дело И. Я. Фроянов. Он считает, что «в отличие от челяди, приходившей с клеймом плена, т. е. извне, холопы происходили из местного, соседствующего с вотчиной населения. В этом их отличие от челядинов»⁹⁷. Но в Русской Правде нет никаких данных, позволяющих считать один лишь плен источником челядинства. Этот вывод основан у автора только на летописях и договорах с греками, где, однако, в силу самой специфики материала, не говорится о других источниках пополнения состава челяди.

В княжеском Уставе Ярославичей получают дальнейшее развитие те стороны, характеризующие положение холопства, которые были лишь намечены в предшествующей законодательной деятельности Ярослава. С сокращением числа походов, осаждением челяди на землю, с уменьшением торговли челядью изменился и удельный вес различных источников рабства. Плен как источник рабства постепенно теряет свою решающую роль. Сохраняется, а быть может, увеличивается значение покупки холопов. В одной берестяной грамоте II половины XI в. говорится: «купил еси робу»⁹⁸. Зато рождение от рабы получает все большее значение (ср. ст. 99 Пр. Пр. «от челяди плод»). Это связано было с тем, что челядь, посаженная на землю, надолго, если не навечно, задерживалась у своего хозяина. Увеличивалось число холопов и за счет расширения источников похолопления внутри страны. С развитием классового неравенства, разложением общины беднейшие ее члены попадали в кабалу за долги, обращались в холопов. В связи с ростом государственной власти как орудия угнетения начинали увеличиваться случаи порабощения свободных и за преступления, о которых говорил Закон Судный. В частности, вероятно, действует правило: «Аще разбоиник имется мечеву, да предастся», а также постановления, карающие порабощением преступления против брака, церкви, собственности⁹⁹. Быть может, уже в это время складывается правило, разрешавшее князю продавать свободного «у холопство», о котором говорит ст. 6 договора 1229 г. с Ригой¹⁰⁰.

Тем не менее все это не было выходом из сложившегося положения. Рабочей силы у землевладельцев не хватало. Хозяйство, основанное на применении труда челяди, уже в самом начале своего положения переживало серьезный кризис. Князья пытаются как-то сохранить имеющийся контингент челяди. Кара за убийство холопов, должествующая прекратить убыль рабов в княжеских имениях (ст. 24—27 Кр. Пр.), служит лишним свидетельством возросшей ценности холопа при Ярославичах — ранее законодательства, по которому хозяин вознаграждался в случае убийства его челядина, не прослеживается. Ст. 24—

⁹⁶ ПВЛ, ч. 1, стр. 43, 86. Подробнее см. А. А. Зимин. К истории текста Краткой редакции Русской Правды. «Труды МГИАИ», т. 7, 1954, стр. 183 и след.

⁹⁷ И. Я. Фроянов. О рабстве в Киевской Руси. «Вестник Ленинградского университета», 1965, № 2, серия истории, языка и литературы, вып. 1, стр. 92.

⁹⁸ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), М., 1958, стр. 40.

⁹⁹ «Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции», стр. 70. (Характерна замена слова «продасться» термином «предастся»). См. также, стр. 58, 60, 61, 64, 65.

¹⁰⁰ ПРП, вып. II, стр. 70.

27 Кр. Пр. имеют особое значение еще и потому, что в известном смысле они обобщают все мероприятия Ярославичей по отношению к холопам. В них — охрана жизни холопов самых различных квалификаций и степени близости к князю, причем все эти градации отразились в различиях цены холопов в случае их убийства (то же явление знакомо Салической и другим варварским Правдам). В основу расценок кладется реальная цена холопа — 5 гривен, существовавшая, вероятно, издавна (ст. 25—26 Кр. Пр.). Урок за убийство холопов высшей категории равняется 12 гривен (ст. 24, 27). В основу этой расценки положена сумма, введенная еще Ярославом (ср. ст. 17 Кр. Пр.). Вся такса, отмеченная в ст. 24—27 Кр. Пр., касается, как нам кажется, только урока за убитого раба. Сверх этого, полагаем, платился еще штраф «за обиду» потерпевшему, в настоящем случае кражи у князя этот штраф мог называться тогда «продажей» — аналогично тому, как сверх головничества за убитого свободного мужа в случае отсутствия мстителя платилась еще и «вира». Это различие «урока» и «обиды» было не только в случаях кражи (ср. ст. 29 Кр. Пр.). Поэтому в княжеском Уставе дается и такса для урока за раба (ст. 24—27) в случае убийства (причем подразумевается действие ее и в случае кражи), и расценка «обиды» (ст. 29) в случае кражи (причем подразумевается действие ее в случае убийства — ср. ст. 89 Пр. Пр.).

М. Н. Тихомиров видит в ст. 29 Кр. Пр. непримиримое противоречие со ст. 26 Кр. Пр., «так как сокрытие чужого холопа наказывается в ней в два с половиной раза дороже, чем стоимость холопа». А отсюда «статья об уводе холопа не принадлежит законодательству Ярославичей»¹⁰¹. Однако перед нами две различные вещи: в ст. 26 Кр. Пр. указан «урок» за холопа, а в ст. 29 отмечен штраф «за обиду», за преступление. И, конечно, весь штраф за кражу холопа, как и за его убийство, в целом был равен «уроку» плюс 12 гривен «за обиду». Ст. 26 и 29 Кр. Пр. в законодательстве Ярославичей не противопоставляются — это части единого целого. Речь может идти лишь о происхождении штрафа «за обиду». Действительно, этот штраф, возникающий из «урока», исходит из высокого «урока» за раба (12 гривен), а не из среднего (5 гривен). Таким образом, он возник уже в эпоху вздорожания холопов, т. е. сложился позднее, чем штраф в 5 гривен. Это несомненно. Но он уже есть при Ярославе, а в эпоху Ярославичей и вовсе тесно связан с их другими установлениями.

Введение расценок за убитого или украденного холопа характеризует важнейшие изменения, происшедшие в обществе того времени. В княжеском Уставе Ярославичей все переводится на деньги, как цена убитого (ст. 24—27) или украденного (ст. 29) холопа, так и цена коня (ст. 28 Кр. Пр.), последнего ранее полагалось взять лицом (ст. 13 Кр. Пр.). Замена возврата челядина выплатой определенной суммы денег свидетельствует о том, что мы имеем дело уже не с общиной, где раба могли легко найти, а с княжеским имением, где вор мог уже и не принадлежать к хозяйственному комплексу князя, а отсюда труднее было найти украденного холопа (ср. статью 29 со ст. 11, 16, Кр. Пр.). Наконец, введение цены за убийство холопа свидетельствует о начале постепенного превращения его в крепостного, которого вовсе запрещается убивать. Оговоримся, что законы, касающиеся холопства, относятся ко всем его видам — пока между ними нет четкого различия, хотя уже есть ряд специфических правил для высших его слоев.

Итак, вводилось правило о плате за убийство раба, но оно, конечно, относилось к убиению раба свободным мужем вообще, а не хозяином. Хозяин мог убить холопа даже еще во времена Двинской Уставной грамоты 1397 г., в которой стояло: «А кто осподарь огрешится, ударит сво-

¹⁰¹ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 67.

его холопа или робу, а случится смерть, — в том наместники не судят, ни вины не емлют»¹⁰². Только церковь вносила в это правило свои коррективы. Более того — правила статей 24, 27 Кр. Пр. и других действовали только в том случае, если холоп убит не за оскорбление свободного, в противном случае платы, согласно ст. 17 Кр. Пр., не взималось. Если холопы не были защищены от убийства господином, то тем паче не было защиты от его побоев. (Только позднее по ст. 62 Пр. Пр. вводилось частичное ограничение в отношении избияния закупов.) Холопы могли быть избиваемы и тиунами — надсмотрщиками. Феодосий говорил Изяславу, что его работы «многожды же и биеми суть от приставник»¹⁰³.

Холопы не отвечали за кражу. В случае «холопъей татьбы» за вора платил господин, т. е. в условиях княжеского хозяйства — сам князь. Действовало правило Закона Судного «крадущему рабу у господина еще хочеть имети такого раба, окраденному да искупится; аще ли не хочеть имети раба того, то да биется и да продасться ему же крадя»¹⁰⁴. Господину предоставлялась альтернатива: он мог сохранить своего раба или он его терял. Холопы не уплачивали денежных пеней при оскорблении ими свободных. Ст. 65 Пр. Пр. предусматривала (даже позднее) два случая — господин платит пеню или холоп подвергается телесному наказанию.

Холопы не могли выступать в качестве свидетелей. Об этом говорила даже позднейшая ст. 85 Пр. Пр. (см. также ст. 66 Пр. Пр.). Раб по варварским Правдам не имел права свидетельствовать о своей невинности — «господин всегда отвечал за поступки раба, хотя бы он и доказал, что не принимал в них никакого участия»¹⁰⁵.

Таково было правовое положение холопства в целом на Руси XI в. Теперь нам необходимо определить форму эксплуатации холопов в княжеском хозяйстве. Если правовое положение в общем было одинаково для всех слоев холопства, то хозяйственная деятельность холопов была различной. Из прямых указаний княжеского устава видно, что определенная часть холопов, главным образом из дворовых, как можно судить по плате за их убийство, пополняла собою ряды княжеских слуг — чиновников, становилась всевозможными «приставниками», «старостами» (ср. ст. 24 Кр. Пр.: «А в сельском старосте княже и в ратайнем 12 гривен»), они могли выполнять работу кормильцев («Аже роба кормилица любо кормилицы 12» ст. 27). По летописи нам известны такие рабы. Мы уже упоминали о старостах, фигурирующих рядом со смердами в новгородской летописи под 1015 г., говорили о кормильце Асмуде и т. д. Холопы могли использоваться и при земледельческих работах (села с челядью часто упоминаются в летописи, Патерике и т. д.). Например, в житии Феодосия говорится, что тот в юности по смерти отца стал «исходити... с рабы своими на село делати с всяким прилежанием»¹⁰⁶. Холопы занимались торговлей (об этом говорят позднейшие ст. 116, 117 Пр. Пр. и др.), быть может, уже были ремесленниками, хотя свидетельства о ремесленной деятельности холопов относятся к более позднему времени (ср. ст. 15 Пр. Пр.).

Термин «холоп» в княжеском уставе встречается в двух различных смыслах. Во-первых, в широком смысле слова (ст. 29 Кр. Пр., ср. ст. 17 Кр. Пр.). Здесь холопами называются вообще все разновидности челяди — как смерды, так и рядовичи, за которых, как за холопов, нет виры в случае их убийства. Но есть и второе значение этого термина —

¹⁰² ПРП, вып. III, стр. 163.

¹⁰³ «Киево-Печерский Патерик», стр. 40.

¹⁰⁴ «Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции», стр. 64.

¹⁰⁵ Н. Иванишев. О плате за убийство в древнерусском и других славянских законодательствах, Киев, 1840, стр. 21.

¹⁰⁶ «Киево-Печерский Патерик», стр. 117.

узкое. В ст. 26 Кр.Пр. он противопоставляется смерду. Это противопоставление встречается в источниках постоянно («а холопы наша выдай-та и смерды») ¹⁰⁷.

В эпоху, когда основным способом использования рабов была торговля ими, естественно, не было почти никаких различий в положении их отдельных групп. Это отражалось и на терминологии — все они покрывались одним термином («челядь», «холоп»). С развитием процесса осаждения холопов на землю положение изменилось. Отдельные группы челяди (смерды, рядовичи), осаждавшиеся на землю, по своему социально-экономическому положению постепенно становятся крепостными. В данную эпоху мы присутствуем при начальных стадиях этого процесса. Для обозначения новых групп челяди появляются особые термины — «смерд», «рядович». Но при этом остается еще часть челяди, положение которых в основном не меняется. Это холопы по преимуществу, холопы — дворовые слуги, объект купли и продажи. Их правовое положение определялось постановлениями о холопстве в целом. Правовое же отличие их от смердов и рядовичей заключалось в отсутствии ряда привилегий, которыми обладали последние в силу их специфического положения. Главной особенностью этих холопов в узком смысле слова, в отличие от смерда и позднейшего закупа, было отсутствие у них какого-либо имущества, инвентаря, участка земли, полученного ими от хозяина. В случае побега такой холоп просто возвращался в прежнее состояние. Если «мучение» смерда наказывалось особой карой (3 гривны по ст. 33 Кр.Пр.), то ничего подобного для холопа в узком смысле слова не было — он не защищен от насилия со стороны. Такой холоп не имел права выкупа, так как не заключал «ряда» с хозяином, т. е. не был рядовичем.

Думаем, что этот холоп в узком смысле слова мог заниматься и земледелием. Термин «работа» (труд раба) смыкался именно с работой на пашне. Ст. 27 Кр.Пр. различает старост «сельских» и «ратайных». Если принять во внимание то, что эти старосты были рабами (отсутствие виры), что они были поставлены надсмотрщиками над рабами (о «приставниках» над рабами говорил Феодосий в беседе с Изяславом ¹⁰⁸), и допустить, что порядку употребления терминов «смерд и холоп» в ст. 26 соответствует такой же порядок в ст. 24, мы придем к заключению, что сельский староста был поставлен старостой над смердами, а ратайный осуществлял власть князя над холопами в узком смысле слова. Смерды жили большей частью по селам, поэтому предположение, что их староста носил название сельского, более чем вероятно. Тогда название старосты, поставленного над холопами в узком смысле слова — ратайный (от «ратай» — пахарь), не свидетельствует ли о том, что и холопы-дворовые обрабатывали княжескую «ролью», пашню? От смердов такие пашенные холопы в узком смысле слова отличались вероятно, тем, что они не имели своего участка земли и жили на княжеском дворе. Но этим переводом на пашню подготавливалось дальнейшее превращение «ратайных» холопов в крепостных.

* * *

Княжеский устав Ярославичей скупыми чертами рисует нам тревожную обстановку второй половины XI в. Это была эпоха, когда интенсивно протекал процесс закабаления свободных общинников, что не могло не вызвать возмущения народных масс. Попытки усиления эксплуатации челяди вызывали недовольство и среди холопов. Назревала опасность восстаний. Необходимы были какие-то реформы.

Как бы вступлением к анализу дальнейших событий может служить застольная беседа князя Изяслава с Феодосием, переданная Патериком

¹⁰⁷ ПВЛ, ч. 1, стр. 384 (1100 г.).

¹⁰⁸ «Киево-Печерский Патерик», стр. 40.

Киево-Печерского монастыря. Изяслав удивлялся искусству монастырских поваров: «Многажды же рабом моим устроившим различнаа брашна и многоценна — и не суть тако сладка, яко же сия... откуда есть сладость в брашне вашем». И Феодосий дает характерный ответ — живую картину княжеского хозяйства. В монастыре «вся служба их с благословением съвершается. Твои же раби, и яко же рече, работают сварящася и шагающа и кленуще друг друга, многожды же и биими суть от приставник, и тако вся служба их с грехомъ съвершается». Изяслав соглашался с ним: «поистине, отче, тако, якоже глаголеши»¹⁰⁹. Здесь не только отчетливо видна значительная роль холопов в хозяйстве князя, но проскальзывает уже и его недовольство трудом подневольных слуг, сознание необходимости изменить такое положение. Возможно, намечались какие-то постановления, ограничивавшие избиение холопов. Феодосий отмечает не только тяжелое положение рабов, но уже какое-то недовольство их (они работают «сварящася»).

Недовольство холопов и закабаляемых общинников вылилось в целую полосу восстаний 1068—1071 гг.¹¹⁰, которые подтолкнули князей к проведению ряда реформ. Подробности событий этих лет остаются до сих пор не вполне ясными. После разгрома Ярославичей половцами в 1068 г. «люде кыевстии прибегоша Киеву и створиша вече на торговищи и реша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша». Началось восстание, во главе которого был поставлен князь Всеслав, освобожденный из темницы. Восставшие разграбили двор бежавшего князя Изяслава. Вскоре восстание было подавлено, и сын Изяслава перебил главных участников мятежа¹¹¹. Изяслав, вернувшись в Киев, «възгна торг на гору».

Рассказ оставляет широкое поле для догадок. В частности, неясно, что означал перевод торгового места на гору, поближе к княжескому двору. В литературе отмечалось, будто этим князь старался обезопасить себя от действия веча, которое было на торгу¹¹². Источники прямо не говорят о переводе веча, стало быть, дело заключается в самом торге. Можно предположить, что восстание было как-то связано с торгом, т. е. с похолопнением свободных за долги, которое уже нами неоднократно отмечалось. Закабаление должников происходило именно на торгу (см., например, ст. 55 Пр. Пр. «вести и на торг, продати»). Мало того, именно на торгу происходил сыск челяди (ст. 32 Пр. Пр., ср. также ст. 112 Пр. Пр.). Естественно, что на торгу происходили ожесточенные классовые столкновения поработанных холопов, свободных, разоренных, но еще не закабаленных общинников со всякими «должебителями». На защиту последних выступил князь, переводя торг поближе к себе на гору.

Какие-то движения холопов были в этот период в Новгороде — о них мы имеем лишь скудные данные. Новгородская II летопись под 1055 г. отмечала: «Клевета бысть на архиепископа Луку от своего холопа Дудики». Через три года «Дудици же холопу оскомины беша, урезаша ему носа и руце отсекоша и збеже в Немци». В 1068 г. в новгородской летописи отмечено: «Пойде епископ новгородский Стефан к Киеву и тамо свои его холопи удавиша его»¹¹³.

Волнения угнетенных отмечаются не только в городах, но и среди сельского населения. Около 1068—71 г. происходит восстание на Белозере. Во главе него становятся два волхва — смерда¹¹⁴.

¹⁰⁹ «Киево-Печерский Патерик», стр. 39—40.

¹¹⁰ Подробнее см. М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., М., 1955.

¹¹¹ ПВЛ, ч. I, стр. 114, 115, 116.

¹¹² М. Н. Покровский. Русская история, т. I, М., 1932, стр. 78.

¹¹³ «Новгородские летописи», СПб., 1879, стр. 3, 130, 185; ср. ПСРЛ, т. IX, стр. 96; т. IV, ч. I, вып. I, М., 1915, стр. 118, 125; НПЛ, стр. 473, ПСРЛ, т. XXX, стр. 190.

¹¹⁴ ПВЛ, ч. I стр. 117, и след.

Итак, движение захватило не только многие области Киевской Руси, но и различные социальные слои — и свободных и холопов различных категорий. Оно было разгромлено, но его результаты сказались уже вскоре. Около 1072 г. происходит съезд Ярославичей¹¹⁵, на котором был издан новый закон, так называемая Правда Ярославичей. Состав этого документа, дошедшего до нас в позднейшей редакции Мономаха, выясняется с трудом и включает в себе основные статьи первой части Пр. Пр. (до 46 ст.) и ст. 65 Пр. Пр.

Сущность нововведений Ярославичей излагают редакторы ст. 2 Пр. Пр.: «сынове его (т. е. Ярослава.— А. З.) отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати». Кровная месть была окончательно отменена. Были проведены также реформы, которые в известной степени смягчили положение рабов. Ст. 65 Пр. Пр. заменяет убийство холопа в случае оскорбления им свободного мужа публичным телесным наказанием («Ярослав был уставил убити и, но сынови его по отци уставиша на куны, любо бити и розвязавше¹¹⁶, любо ли взяти гривна кун за сором»). Таким образом, Ярославичами была отменена не только кровная месть, но и «месть» холопам, их убийство¹¹⁷. Этот акт прямо связывается с восстаниями холопов и не может рассматриваться иначе как амнистия холопам, принимавшим участие в движении этих лет. Постановление, несомненно, отражало улучшение положения холопов.

Реформы Ярославичей в какой-то мере аналогичны установлениям Ярослава. Все они созданы в эпоху, когда холопы повышаются в цене. Необходимо было предотвратить их истребление. Ярослав и его сыновья проводят ряд мероприятий как раз именно в этом направлении.

Восстания 1068—1071 гг. (как и более позднее движение 1113 г.) ознаменовали собою рубеж, отделяющий раннефеодальный период на Руси от развитого феодализма.

3. РЕФОРМЫ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И ХОЛОПСТВО

В годы правления Владимира Мономаха, когда около 1116 г., по нашему мнению, была составлена Пространная Правда¹¹⁸, продолжается процесс изживания холопства. Сокращаются уже его источники. Под влиянием восстания 1113 г. было запрещено в известных случаях казнить должников (ст. 54 Пр. Пр.). Сокращаются главным образом источники пополнения холопов в узком смысле слова, к этому времени именно они становятся холопами по преимуществу. Но за этот счет расширяется состав «рядовичей-закупов», выделившихся из среды холопов в широком смысле слова в качестве феодально-зависимых крестьян (ст. 110—111 Пр. Пр.).

И. И. Смирнов не видит различий в положении «холопов» в широком смысле этого слова и «обельных холопов», ибо для него эти разные понятия покрывали одно и то же явление. Однако говорить о холопстве в целом при Владимире Мономахе довольно трудно, хотя старый термин «холоп» еще продолжает покрывать юридически разнородные прослойки зависимого населения (ср. 46, 65, 66, 85, 89, 110, 212 ст. Пр. Пр.). В составе холопов упоминаются и боярские тиуны и закупы (ср.

¹¹⁵ См. М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 62—66.

¹¹⁶ «Бити розвязавше» — публичное наказание (см. В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, СПб., 1890, стр. 109). Ср. Даниила Заточника: «А безумнаго аще и кнутьем бьешь, развязав на санех» («Слово Даниила Заточника», Л., 1932, стр. 65).

¹¹⁷ Конечно, в самый момент оскорбления холопа могли убить (ср. ст. 89 Пр. Пр., где говорится, что за убийство холопа по «вине» штрафа не было). Ст. 65 относится ко всем видам холопов. Отмена убийства носит еще общий характер — не указана конкретно величина штрафа за него.

¹¹⁸ А. А. Зимин. Феодальная государственность и Русская Правда, «Исторические записки», 1965, т. 76, стр. 263.

ст. 66 Пр. Пр.). Продолжает и смерд считаться холопом (ср. ст. 16 Пр. Пр.), поэтому он противопоставлен холопу лишь в случае погубления им княжеского скота (ср. ст. 45 со ст. 46 Пр. Пр.).

Еще ранее, в XI в. существовало, наряду с указанным выше значением холопа, еще узкое значение этого термина — дворовые (ср. ст. 26 Кр. Пр.). Теперь для обозначения этой группы холопов вводилось понятие «обельный» (или полный, одерноватый). Однако термин «холоп» в узком смысле слова еще не был вполне вытеснен этим понятием «обельный холоп». В связи с тем, что «необельные холопы» (закупы и смерды) переставали быть холопами, становясь феодально-зависимыми крестьянами, холопом по преимуществу становился обельный холоп. Поэтому термин «обель» и «холоп» часто употребляются как однозначные. Отсюда выражение «не холоп» ст. 111 означает «не обельный холоп». Что это именно так, видно при сопоставлении ст. 111 с аналогичной статьей Закона Судного («А же ся дает человек, дернь ему не надоби»). Позднее это явление развилось. Интересна, например, ст. 22 Новгородской Судной грамоты: «А псковитину не послуховать ни одерноватому холопу. А холоп на холопе послух»¹¹⁹. Здесь «одерноватый холоп» и «холоп» употреблены как однозначные термины. В стереотипных выражениях «А холопы наши и смерды выдайта» холоп также упомянут в смысле обельного. В законодательстве Мономаха термин «холоп» постепенно начинал обозначать обельного холопа по преимуществу (ср. ст. 111), «роботить» — обращать в обельного холопа (ср. ст. 111, 56).

В Пространной Правде, наряду с термином «холоп», как бы воскрешается старый термин «челядь», который исчез из княжеского устава середины XI в. И. И. Смирнов стремился объяснить этот факт особенностями приемов «редакционной обработки источников, использованных при составлении Пространной Правды». Кодификатор якобы сохранил «архаику своего источника», включив в переработанном виде те статьи Правды Ярослава (ст. 11 и 16 Кр. Пр.), где встречается «архаическая» для XII—XIII вв. «челядь». Вместе с тем И. И. Смирнов отмечает как одну из характерных особенностей Пространной Правды «строго проведенное на протяжении всего текста различие между термином «холоп» и термином «челядин» (стр. 109)¹²⁰. С этими заключениями согласиться нельзя. Трудно допустить, что в лице составителя Пространной редакции Русской Правды мы встречаем лишь «механического сводчика» старых текстов. К тому же термин «челядь» не исчез, а продолжал еще существовать в XII—XIII вв. для обозначения совокупности зависимых людей и рабов. В Пространной Правде ни разу челядин не противопоставляется холопу. Никаких «строго проведенных различий» между ними нет. Они употребляются законодателем в одном смысле. Это хорошо объясняется тем, что к концу XI — началу XII вв. термин «холоп» приобрел уже широкое значение, т. е. стал сливаться со старым понятием «челяди». Именно поэтому, встречая в своих источниках термины «челядь» (ст. 16 Пр. Пр.) и «холоп» (ст. 29 Пр. Пр.) в сходных юридических казусах, автор Пространной Правды не делал между ними различия и употреблял один из них, предпочитая старый — челядь, чтобы тем самым четко отделить холопство в широком смысле от обельных холопов. Именно поэтому «челядь» появляется и в совершенно новой ст. 99 («от челяди плод»), где она по смыслу вполне соответствует холопству в широком смысле слова.

В свете этих предварительных замечаний становятся понятны, как нам представляется, все остальные установления Владимира Мономаха о холопах.

¹¹⁹ ПРП, вып. II, стр. 214.

¹²⁰ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 107, стр. 112, стр. 109.

Статье 89 Пр.Пр., определяющей штраф за убийство холопа, И. И. Смирнов дает двойственную трактовку. С одной стороны, статья как бы «не вносит ничего нового в вопрос об убийстве холопа», а с другой стороны, она представляет собой еще одно «выражение роста и усиления значения холопства в XII—XIII вв.». Статьей 89 законодатель стремился к изданию «более детального и совершенного» закона об убийстве холопа¹²¹. Но какие же новые детали есть в ст. 89? Общее положение «А в холопе и в робе виры нетуть» корнями уходит в седую старину. Величина штрафа за убийство холопа (12 гривен продажи) хорошо известна еще в XI в. Впрочем, по ст. 89 платился штраф, если холоп убит «без вины», т. е. за вину его разрешалось убить. А уже в 1072 г. на съезде Ярославичей это постановление для одного из случаев было отменено: холопа, ударившего свободного мужа, убивать запрещалось. Значит, ст. 89 весьма архаична, и помещена она в группе статей, восходящих к старинным нормам обычного права (о наследии и др.). Таким образом, эта статья не дает основания для вывода о росте значения и численности холопов (в узком смысле слова) в XII—XIII вв.

Оформление этой статьи относится ко времени княжения Мономаха. Это видно из слов: «оже будеть без вины». Появление понятия «вины» в Пространной Правде связывается с редакторской рукой кодификатора, жившего во время Владимира Мономаха. Оно впервые встречается в тесно связанной с ним реформе о резах (ст. 65 Пр.Пр.: «не виноват есть») и закупах (ст. 62 Пр.Пр.: «А без вины»). «Без вины» — означает убийство не на месте преступления (ср. ст. 40 Пр.Пр.). В соответствии с общим развитием «продажи» статья говорит об ответственности перед князем («князю 12 гривен продажи»). Та же эволюция заметна на статье, говорящей о краже, совершенной холопом. И в ней появляется «продажа» (ст. 38 Пр.Пр.: «а князю продажи 12 гривен в челядине»). В соответствующей статье княжеского устава это правило относится лишь ко княжескому имению, а штраф носит старое название «за обиду» (ср. ст. 29 Кр. Пр.: «за обиду 12 гривен»)¹²². Кроме общего запрещения Ярославичей убивать холопов за оскорбление ими свободных мужей (ст. 65 Пр.Пр.), вводится конкретная кара за убийство холопов «без вины» даже в случае оскорбления ими свободных мужей. Она была равна каре за убийство холопов вообще — 12 гривен продажи и урок по ст. 89 Пр.Пр., которая уже не различает — убит ли холоп вообще или за оскорбление. Это подчеркивает новое смягчение холопского права — уменьшение возможности истребления холопов. Но этого мало. Несмотря на общее постановление об отсутствии виры, для боярских тиунов, несомненно холопов по происхождению (ср. ст. 66 Пр.Пр.), вводилась даже и вира (ср. ст. 1 Пр.Пр.). Таким образом за термином «холоп» на деле вовсе не всегда скрывались обычные холопы.

Убийство холопа господином допускалось, но и здесь уже есть ряд ограничений, которые первоначально шли со стороны церкви. Церковь стремилась ограничить убийство рабов. Она вводила ряд постановлений, в которых постепенно развивалась мысль о наказуемости убийцы рабов. Церковные источники говорят неоднократно о церковных карах за убийство челядина согласно церковным установлениям. Например, в правиле, связанном с именем Максима, мы читаем: «Аже кто челядина убьет, то акы разбойник примет епитемью». То же в отрывке «Покаяние...», в правиле Халкидонского собора, в «Заповеди по исповедаю-

¹²¹ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 142, 143.

¹²² Что ст. 29 Кр. Пр. соответствует ст. 38 Пр.Пр., видно также из их терминологической близости (ср. «уведше» в Пушкинском списке статьи 38 Пр.Пр. и «уведет» ст. 29 Кр.Пр.).

щимся сынам»¹²³. Это постепенно слагавшееся запрещение убивать холопа еще значительное время не было проведено до конца и оставалось только церковным постановлением. В 1397 г. уставная Двинская грамота еще постановляла: «А кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или робу, а случится смерть,— в том наместники не судят ни вины не емлют»¹²⁴. Все же характерно, что понадобилось специальное постановление, запрещающее суд над господином, убившим своего холопа. Вероятно, в практике того времени уже бывали подобные случаи, а грамота возвращает к старому закону.

Совершенно в том же плане строится законодательство о «мучении» холопа. Действующим считается право, разрешающее избивать холопа. Но уже для закупа оно в известных случаях ограничивается, и холоп приравнивается к свободным (ср. ст. 62 Пр. Пр.). Мучение смерда посторонними также еще строже запрещается Мономахом (ст. 78 Пр. Пр.). Мало того, начинали складываться принудительные случаи освобождения рабов за их мучения господином. И здесь церковь была проводником смягчения положения челяди. Церковь уже устами Феодосия с укоризной отмечала, что рабы «многожды же и биими суть от приставник»¹²⁵. Под влиянием церкви позднее вводятся еще некоторые ограничения избивания рабов. В договоре с немцами 1189—1199 гг. читается следующая статья: «оже кто робу повержет насильемъ, а не соромить, то за обиду привна». Или то же в договоре 1229 г.: «аже насилуеть робе, а будуть на него послуши дати ему гривна серебра»¹²⁶. В «Поучении духовника исповедующимся» читаем: «челядь же свою тако же милуй, дажь им потребная; показай же я на добро не яростию, но яко дети своя». Церковь возмущается теми, кто «томя челядь свою гладъм и ранами»¹²⁷ (конец XIII в.). Церковь пыталась регламентировать число ударов лозою за различные преступления раба. Поучение XII в. гласило: «лозы не жалей до 6 ран и до 12; а если велика вина, то и до 20 ран, если же очень велика вина, то до 30 ран лозою, а больше 30 ран не велим»¹²⁸. В правиле «А се грехи» с негодованием отмечают те, «кто бес правды насилаеть на челядь свою и морить гладомъ и раною и наготою и деломъ насилаеть»¹²⁹. Владимирский собор в 1274 г. запрещал ставить в священники тех, кто «челядь проуча голодом и наготою, страдою насиле творят»¹³⁰. Среди законов о насильственном освобождении рабов действовало правило Закона Судного: «аще кто истъкнетъ око рабу своему или рабе своей, да ослепнетъ свободъ да отпуститься в ока место; или зуб рабе своей или рабу своему, свободъ да отпуститься в зуба место»¹³¹. Именно на этом основании была освобождена раба, у которой из-за госпожи отсохла рука (см. Сказание о чудесах Бориса и Глеба)¹³². Увеличиваются случаи насильственного освобождения холопов вообще, в том числе закупа. В случае, если господин брал сверх выкупной цены еще куны или, как церковь это называла, «изгоиство», закупы освобождались.

То же самое происходило и при распространении закупных отношений на родившихся в свободе детей закупа. Что этот закон действовал в жизни, видно из упомянутого рассказа о рабе, которая освобождена была не только за то, что у нее отсохла рука, но и за то, что госпожа

¹²³ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. «Чтения ОИДР», 1912, кн. III, стр. 54, 141, 244, 121.

¹²⁴ ПРП, вып. III, стр. 163.

¹²⁵ «Киево-Печерский Патерик», стр. 40.

¹²⁶ ПРП, вып. II, стр. 126, 62.

¹²⁷ РИБ, т. VI, стб. 124, 107.

¹²⁸ Цит. по кн. С. М. Соловьев. История России. Изд. Общ. польза, кн. I, стб. 759.

¹²⁹ «Чтения ОИДР», 1912, кн. III, стр. 50.

¹³⁰ РИБ, т. VI, стб. 91.

¹³¹ «Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции», стр. 40.

¹³² «Сборник XII века Московского Успенского собора», М., 1899, стр. 33—34.

поработила ее дочь¹³³ (ср. также церковные правила о порабощении детей изгоя). Мало того, если у господина были дети от рабы, то после его смерти они освобождались вместе с матерью (ст. 98 Пр. Пр.).

Около середины XII в. еще существует правило Закона Судного, что за бесчестие, совершенное господином, рабу продают в другие места¹³⁴. Об этом прямо говорило Вопросение Кирика (1130—1156 г.) «Обычай есть таков, а лучше иного человека въскупити, а бы ся и другая на томъ казнила»¹³⁵. В. О. Ключевский неясный термин «вскупить» переводит двояким образом: или подговорить, чтобы другой купил эту рабу, или купить ее на счет церкви (в обоих случаях против воли хозяина)¹³⁶. Прошло сравнительно немного времени, и в 1189—1199 гг. уже существует правило, по которому за бесчестие рабу освобождали: «оже кто робу повержетъ насильем... паки ли соромить, собе свободна». То же в правиле Максима: «Аже кто с робою своею блуд сътворит и родит отроча, освободит рабу свою»¹³⁷. Это новое решение намечалось уже в Вопросении Кирика, хотя еще только в виде вопроса, на который давался отрицательный ответ.

Церковь выступала также против взимания денег сверх выкупной цены при освобождении холопа, а также против порабощения детей холопов, родившихся на свободе. В правиле «се трехи» большим грехом считалось «аще кто без вины порабочивает человека поклепом»¹³⁸. Церковь борется против продажи челяди «поганым». В канонических ответах Иоанна II (1080—1089 г.) отмечены те, кто «купять челядь... последи же продаше в поганая». Теперь же запрещалось строго «крестьяна человека ни жидовину, ни еретику продати»¹³⁹. При продаже челяди внутри страны настойчиво запрещалось «прасольство душами», т. е. взимание денег сверх той цены, за которую покупали раба¹⁴⁰.

Теперь идет речь не только о свободе детей, рожденных от раба, но и о наследовании ими имущества после смерти отца. Хотя еще решение дается отрицательное, но сама постановка вопроса о наследии «робичичей» характерна. Церковь и в этом отношении идет дальше, чем светское законодательство той эпохи. По церковному уставу Всеволода «робичичю» уделялась определенная часть из наследства («како рабочичю часть: конь да доспех и покрут по рассмотрению живота»)¹⁴¹.

Такая позиция русской церкви объясняется тем, что она являлась прочной опорой новых, развивающихся феодальных отношений, тормозом для которых были пережитки рабства. Как крупный феодал церковь была непосредственно заинтересована в обеспечении своих земельных владений трудом все более втягивающихся в орбиту крепостнических отношений разоряющихся общинников, с одной стороны, и выкупавшихся на свободу «изгоев» — с другой. Церковные постановления, порожденные реальной социально-экономической жизнью Руси, в свою очередь оказывали влияние и на светское законодательство, чутко реагировавшее на сдвиги в экономике страны.

Новые черты «холопского» права можно обнаружить и в Пространной Правде.

Все учащающиеся случаи насильственного освобождения рабов отразились, в частности, на том, что Пространная Правда знает уже специальный сбор при отпуске челяди на свободу (ст. 109: «От свободы девять кун»).

¹³³ Там же, стр. 33.

¹³⁴ «Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции», стр. 58.

¹³⁵ РИБ, т. VI, стб. 42. В Синодальном списке — «несть».

¹³⁶ В. О. Ключевский. Соч., т. 7, стр. 349—350.

¹³⁷ ПРП, вып. II, стр. 126; «Чтения ОИДР», 1912, кн. III, стр. 51.

¹³⁸ РИБ, т. VI, стб. 842—843. Ср. также «Чтения ОИДР», 1912, кн. III, стр. 50.

¹³⁹ РИБ, т. VI, стб. 11. См. также «Чтения ОИДР», 1912, кн. III, стр. 122.

¹⁴⁰ РИБ, т. VI, стб. 843; «Чтения ОИДР», 1912, кн. III, стр. 50.

¹⁴¹ ПРП, вып. II, стр. 165.

Смягчение положения холопов повлияло и на другие правовые нормы, в частности связанные с послушеством холопа. Мономах вводит в свой Устав о послухах ряд ограничений старого правила, запрещавшего свидетельство холопа (ст. 66 в Ферапонтовском и Розенкамповском видах Русской Правды помещена перед Пр. Пр. и называется Уставом Владимира о послухах). И здесь, казалось, сохраняется общая формулировка: холоп не послушествует (ст. 66, 85). Однако теперь впервые послушество допускалось для высшей части холопов, закупов и боярских тиунов (ср. дополнение к ст. 66 Пр. Пр.: «оже не будеть свободнаго, то по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инех не складывати. А в мале тяже по нужи сложити на закупа»). В этом постановлении интересна, говоря словами Б. А. Романова, «присказка»: «а на инех не складывати», уже «сама по себе свидетельствующая этим запрещением о распространенности запрещаемого»¹⁴². В известных случаях могли теперь свидетельствовать даже все холопы в целом: ст. 85 Пр. Пр. гласила: «будеть ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити; но оже хоцеть истецъ или иметь и, а река тако: по сего речи емлю тя, но яз емлю тя, а не холоп, и емети и на железо; аже обинити и, то емлетъ на нем свое; не обинить ли его [а] платити ему гривна за муку, зане по холопыи речи ял и». Допускалось послушество, свидетельство холопа при своде (ст. 38 Пр. Пр.), когда надо было «по языку ити до конца». Так постепенно, хотя очень медленно, смягчалось холопье право.

В дальнейшем основной принцип ст. 66 Пр. Пр. сохранился, хотя вводились некоторые уточнения и, быть может, расширение прав холопов. Например, в Новгородской Судной грамоте, зафиксированной в 1471 г., но отражавшей более ранние явления, стояло: «А псковитину не послуховать, ни одерноватому холопу. А холоп на холопа посух»¹⁴³. Здесь уже допускалось послушество холопа в холопских делах. Мало того, если раньше запрещение ст. 66 относилось ко всем холопам, то теперь только к обельным (одерноватым холопам), хотя части ее действуют и для других слоев холопства, в частности для смердов. В этом плане интересна ст. 20 договора с Казимиром IV 1470 г.: «А холоп или роба или смерд почнет на осподу вадити, а тому ти, честны король, веры не няти»¹⁴⁴. Послушество смердов, как и холопов, в данном случае согласно ст. 66 Пр. Пр. запрещается, но уже не вся ст. 66 Пр. Пр. относится к смердам (она действует в целом только для обельных холопов), а ее специальный случай — в отношении к господам. Как мы видим, сохраняются остатки законодательства, говорящие о прежней принадлежности смердов к холопам¹⁴⁵. Теперь уже требуется специальное разъяснение, говорящее, что в данном случае ст. 66 Пр. Пр. продолжала действовать для смердов. Ведь они перестали быть холопами. Приходилось оттенять в законе для смердов случаи сходства с законодательством о холопах. Если раньше подчеркивались различия в законодательстве о смердах и холопах в узком смысле слова, то теперь приходилось искать черты сходства. Смерды перестали быть холопами, превратившись в крепостных.

В дальнейшем права холопов несколько расширяются. В договоре с Ригию 1229 г. мы читаем статью: «Аже Латинин дасть хълопу княжю взаем или инъму добру челвеку (в Рижской редакции стоит: «или боярьскому»), а умрете не заплатив, а кто емльте его остатък тому платити Немчину»¹⁴⁶. Здесь уже холоп имеет право на заем и долг, указывается также, что у холопа есть какое-то наследство («остатък»).

¹⁴² Б. А. Романов. Указ соч., стр. 56.

¹⁴³ ПРП, вып. II, стр. 214.

¹⁴⁴ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.—Л., 1949 (далее: ГВНиП), № 77, стр. 132; ПРП, вып. II, стр. 250.

¹⁴⁵ В договоре 1440 г. с Казимиром IV смерды также упомянуты вместе с холопами: «за холопа, за робу, за должника и за розбойник не стояти и за смерда не стояти» (ГВНиП, № 70, стр. 116).

¹⁴⁶ ПРП, вып. II, стр. 60.

Несмотря на улучшение положения холопства, Мономах тщательно регламентировал ответственность за сокрытие беглого раба и т. д., вводя особую редакцию Устава о холопах (ст. 110—121 Пр. Пр.). Устав о холопах озаглавлен: «О холопстве». Таким образом, этот устав относился к холопам вообще. Но при этом в нем упоминаются главным образом те преступления холопа (бегство, кража), за которые даже необельный холоп становился обельным (ср. ст. 56, 64 Пр. Пр. «О закупе»). Поэтому данный устав по преимуществу относился к обельным холопам и к необельным, становящимся за преступление полными рабами. Классовая точка зрения князя-землевладельца, заинтересованного в сохранении рабочей силы в своих хозяйствах, подсказывала ему эти постановления.

Все изменения в положении холопов не могли не сказаться на психологии того времени. В основном к холопству в целом сохраняется презрительное отношение. Когда Феодосий работал вместе с рабами: «мати же его... возбраняючи ему такового дела... Глагола бо ему, яко тако ходя, укоризну себе и роду своему приносиши»¹⁴⁷. Или, например, в послании Даниила Заточника читаем: «Аще бы у котла златы колца в ушех, ладно ему черно дно; тако и холопу»¹⁴⁸. Одновременно с этим постепенно положение холопов смягчалось, часть из них (закупы, смерды) по своему положению приравнивалась к свободным. Постепенно в психологию составителей Пр. Пр. все больше проникала мысль, что холоп вообще перестал быть вещью. В ст. 38 Пр. Пр. проявляется нравоучительная сентенция, говорящая о челяди, что «то есть не скот»¹⁴⁹.

Изменения в положении холопов, прослеживаемые при рассмотрении их правового положения, еще более наглядно выявляются при изучении их хозяйственной деятельности в эпоху княжения Мономаха (ведь законодательное оформление хозяйственных перемен происходит довольно медленно). Закупы и смерды переставали уже быть холопами. Именно эти прослойки холопства, все больше и больше разрастаясь, поглощали значительнейшее число бывших рабов. В связи с этим процессом в источниках увеличиваются данные об осаждении пленных на землю, появляются многочисленные свидетельства о селах с челядью¹⁵⁰, значительная часть которой составлялась из закупов и смердов, переставших быть рабами. Земледелие все больше становилось основным занятием бывших холопов. Впервые в Пр. Пр. появляются упоминания о рабах-ремесленниках (см. ст. 15). Причем урок за раба-ремесленника приравнивается высшей расценке холопов (12 гривен). Источникам хорошо известны холопы-ремесленники¹⁵¹, холопы-торговцы (ср. ст. 117, 118, 119 Пр. Пр.), кормильцы (ст. 17 Пр. Пр.), тиуны (ст. 13 Пр. Пр.) и т. д.

Если раньше нам были известны в основном княжеские холопы, то теперь в ст. 46 Пр. Пр. упомянуты и боярские и монастырские холопы. Мы знаем также боярских тиунов (ст. 66 Пр. Пр.), боярского рядовича (ст. 14 Пр. Пр. и т. д.). Представление об увеличении роли холопов в феодальном хозяйстве XII—XIII вв. И. И. Смирнов стремился обосновать анализом ст. 46, 40 и 89 Пр. Пр. Не отличая обельных холопов от холопов вообще, И. И. Смирнов давал им характеристику как «важнейшей

¹⁴⁷ «Киево-Печерский Патерик», стр. 17.

¹⁴⁸ «Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам». Л., 1932, стр. 86.

¹⁴⁹ Не можем согласиться с Б. А. Романовым, полагавшим, что в ст. 38 Пр. Пр. речь идет о «технической» детали («челядин обладает органом речи, что и означает процедуру связи». Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 54). Дело заключалось все-таки в появлении новых представлений о челяди, которых не знала Русь времен Ярослава Мудрого.

¹⁵⁰ ПРП, вып. II, стр. 108; ПСРЛ, т. IX, стб. 334, 498; см. также И. Красноперов. Рабовладение и работорговля в древней Белоруссии, ЖМНП, 1917, декабрь.

¹⁵¹ ПСРЛ, т. I, вып. 2, ч. 1, 1927, стр. 370; А. Пьянков. Одно забытое иностранное известие о рабстве в Киевской Руси. «Историк-марксист», 1940, № 3, стр. 135; М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 202.

группе в составе рабочего населения феодальной вотчины»¹⁵². Если иметь в виду под «холопами» Пространной Правды полных или «обельных» холопов, то с утверждением И. И. Смирнова трудно согласиться. Однако в законодательстве Владимира Мономаха речь идет о необельных «холопах — челяди», т. е. о всей совокупности эксплуатируемого населения вотчины (судя по ст. 64 к необельным холопам принадлежали и закупы). По своему юридическому положению оно сохраняло еще черты, сближавшие их с рабами, по социально-экономическому положению являлось уже феодально-зависимым.

Ст. 46 Пр. Пр. говорит о росте монастырского и частновладельческого землевладения с холопами, т. е. феодально зависимым населением («Аже будут холопи татие любо княжи, любо боярстии, любо чернечь»). Для него еще действует старое право, согласно которому холоп не платит продажу («их же князь продажею не казнит, зане суть не свободни»). Впрочем, уже напоминание о том, что нельзя карать холопов продажею, показывает, что на практике такие случаи были. Один из них и дает ст. 45, говорящая об уплате продажи смердами за господский скот.

Стремясь отстоять свой тезис о расширении применения холопского труда, И. И. Смирнов говорил, что «кража холопами зерна из зерновых ям, скота в поле и из хлева... рисует холопа находящимся в сфере сельскохозяйственного производства». Но по ст. 43 прямо говорится, что вора, обкрадывавшим гумно, полагалось платить «всем по 3 гривны и по 30 кун» (то же и при краже скота по ст. 41). Холопы же продажу не платили.

По И. И. Смирнову ст. 46 «представляет собой расширение норм, защищающих феодальную собственность путем дополнения норм, направленных против татей — смердов (ст. 45) новыми нормами, направленными против татей — холопов»¹⁵³. Но сравнение ст. 28 Кр. Пр. со ст. 45 Пр. Пр. показывает, что упоминание в последней о смердах («уроши смердом, оже платят князю продажу») является нововведением. Краткая Правда в ст. 28 не знает ни смердов — татей, ни уж, конечно, платы или продажи. Итак, процесс был обратный. Именно вторая часть ст. 45 Пр. Пр. является нововведением, показывающим расширение юридических прав смердов, а основа ст. 46 (о неплатеже холопам и продаже) архаична.

Разбирая ст. 40 Пр. Пр. о тате, убитом «у клети или у которое татбы», И. И. Смирнов считал, что под татями здесь в первую очередь подразумеваются смерды и холопы. Это объяснение статьи 40 Пр. Пр. принять нельзя. Ее источники ясны — это ст. 21 Кр. Пр. об убийстве огнищанина — вора, ст. 38 Кр. Пр. об убийстве «татя». В статье казусы обобщены и нарушитель фигурирует под общим местоимением «кто» («убьют кого»). Но выше «кто» — это свободный вообще (ст. 38 Кр. Пр.) или вор свободный, платящий продажу, каковую холопы не платили (ст. 41). Плата в 12 гривен означала не то, что тать был рабом по происхождению, а то, что позорный факт кражи приравнивал свободного к холопу¹⁵⁴ и лишал его родичей права на получение виры за него. Предложенная И. И. Смирновым трактовка ст. 40 противоречит кроме того ст. 89: согласно последней 12 гривен продажи платилось, если холоп убит

¹⁵² И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 127.

¹⁵³ Там же, стр. 138.

¹⁵⁴ Близость ст. 40 Пр. Пр. к ст. 65 Пр. Пр. несомненна. В обоих случаях шел штраф в 12 гривен, причем в ст. 40 он появляется впервые. (В соответствующей ст. 38 Кр. Пр. нет расценки штрафа). На месте преступления, думаем, как холопа, так и всякого свободного могли убить (ср. ст. 40 Пр. Пр. и фразу «без вины» в ст. 65 Кр. Пр.). Сопоставление холопа и преступника в княжеских договорах удельного времени — частое явление. Ср. договорную грамоту Михаила Александровича с Новгородом 1375 г.: «А за холоп, за рабу, за поручник, за должника, за татя не стоять» (ГВНИИ, № 18, стр. 34).

«без вины». А если по ст. 40 убитый явно виновен и все же продажа платилась, значит совершивший кражу не был рабом.

Итак, к началу XII в. термин «холоп» уже покрывал различные группы населения, часть из которых превращалась в феодально-зависимое крестьянство. При общем смягчении положения холопства основные установки законодательства о холопах оставались наиболее неподвижными (отсутствие виры, продажи, послушества). Превращение холопов в крепостных шло главным образом за счет превращения смердов и закупов в феодально-зависимых крестьян. Общие же правила относительно холопов обнимали все меньший контингент рабов и в конце концов стали относиться только к обельным холопам.

* * *

При Владимире Мономахе для обозначения старой группы холопов в узком смысле слова появился новый термин — «обельный холоп». «Уже к началу XII в., — пишет Б. А. Романов, — ни слово холоп, ни слово челядин без дополнительной квалификации не выражало ничего, кроме того, что этот человек, работающий на господина. Чтобы дать понять, что речь идет о рабе как говорящем животном, теперь надо прибавить: холоп «обельный» или «сказать просто «обель», челядин-полный»¹⁵⁵. Домономахова Правда не знает термина «обельный». Само его употребление говорит о том, что должно было существовать какое-то другое холопство — «необельное», иначе этот термин терял бы всякий смысл.

«Обельный» значит «полный», «целый». Е. Ф. Карский приводит примеры употребления этого термина в славянских языках: ср. obel — хорватское круглый, целый, полный; ср. obel zupelnie — польское¹⁵⁶. Термин «обельный холоп», кроме Русской Правды, встречается еще, как обратила внимание Е. И. Колычева, в одной рязанской правовой грамоте конца XV в. по делу о бегстве холопов¹⁵⁷. В результате расследования некий Сергеец, обвинявшийся в уводе «за рубеж» трех «холопов обельных», был выдан истцу «в полницу обель в тех холопах». Так устанавливается тождество понятий «обельный» и «полный» холоп. Оно подтверждается и Правосудием митрополитым (конец XV в.), согласно которому челядин-наймит (т. е. закуп) выдавался «в полницу» (т. е. говоря словами Пространной Правды, становился «обель») в случае побега¹⁵⁸. Термин «обель» применительно к холопам сохранился до конца XV в. в Великом княжестве Литовском¹⁵⁹.

В Новгороде уже в XII в. вместо «обель» стали говорить «одернь»¹⁶⁰.

С XIV в. появляется новое понятие — «полные люди, холопы». Об этих названиях челяди А. И. Яковлев писал: «Встречаем настоящие самопродажи и даже продажи своей семьи в «полницу», сопровождавшиеся, как и в удельные времена, символическим обрядом возложения дерна на голову («одерноватые»), что, надо думать, было примитивным символом, означавшим гражданскую смерть, как бы погребение хололапливаемого»¹⁶¹.

¹⁵⁵ Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 64.

¹⁵⁶ Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку, Л., 1930, стр. 101; А. Преображенский. Этимологический словарь, стр. 626.

¹⁵⁷ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XV в.», оп. III, М., 1964, № 357, стр. 381; Е. И. Колычева. Полные и докладные грамоты XV—XVI вв. «Археографический ежегодник за 1961 г.», М., 1962, стр. 42.

¹⁵⁸ ПРП, вып. III, стр. 428.

¹⁵⁹ См. об этом И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 207—208.

¹⁶⁰ «Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции», стр. 117; ПРП, вып. II, стр. 106; ГВНИП, № 110; НПЛ, стр. 280. О происхождении термина «одернь» см. С. Н. Валк. Грамоты полные. «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пг., 1922, стр. 113—132.

¹⁶¹ А. И. Яковлев. Холопы и холопство, т. I, стр. 43.

Если до начала XII в. положение холопов в узком смысле слова мало чем отличалось от положения других слоев холопства, то теперь при выделении закупов необходимо было тщательное размежевание их с холопами в узком смысле слова. Законодатель старался подчеркнуть, что должники становились не просто холопами, а закупками, т. е. сохраняли как-то право выкупа и были гарантированы от превращения в полных холопов. (Это, возможно, находилось в тесной связи с восстанием 1113 г.). Вводились статьи 110—111 Пр. Пр., которые строго регламентировали случаи обельного холопства. При этом сокращались его источники. Теперь, заключив «ряд» при поступлении в тиуны или при браке с рабой, свободные попадали не в состав обельных холопов, а становились закупками, превращавшимися постепенно в крепостных. Обельное холопство изживало себя.

Обращает на себя внимание состав обельного холопства по ст. 110—111. В нем пропущены пленники и купцы-должники. Они, как и прежде, думаем, имели право выкупа, т. е. были закупками. Ст. 110—111 Пр. Пр. конечно, не фиксирует всех источников обельного холопства (нет, например, рождения от рабы, порабощения неплатежеспособного преступника)¹⁶². Она говорит лишь о тех источниках обельного рабства, которые были ограничены Мономахом.

О тесной связи появления термина «обельный холоп» с введением нового законодательства о закупках говорит нам характер упоминаний этого термина в Русской Правде. Он встречается только при противопоставлении другим видам холопов, точнее закупам (ст. 56 Пр. Пр. «аже закуп бежит, то обель», ст. 61 Пр. Пр. «продасть ли господин закупа обель», ст. 63—64 Пр. Пр. «холоп обельный выведеть.. закуп выведеть», ст. 110—111 Пр. Пр. «холопство обельное трое... с рядом ли, то како ся будеть рядил»). Оба термина («закуп» и «обельный холоп») возникли в одну эпоху или во всяком случае стали употребляться в правовой литературе одновременно. Но закупы и смерды уже при Владимире Мономахе переставали быть холопами, становясь феодально-зависимыми крестьянами. Холопом по преимуществу оставался лишь обельный холоп. Отсюда понятно, почему, наряду с названием «обельный холоп», для холопа в узком смысле слова употребляется термин просто «холоп». В ст. 111 Пр. Пр. закуп противопоставлен обельному холопу, который называется просто «холоп» («не холоп»). Под 1177 г. в Никоновской летописи смерды противопоставлены обельным холопам, которые также называются просто холопами¹⁶³. В новгородских договорах с князьями XIII—XV вв. смерды как феодально зависимые крестьяне упомянуты отдельно от обельных холопов, называемых опять просто «холопами». Термин «обель» и термин «холоп» теперь встречаются как однозначные. Анализ этого процесса, особенно характерного для XII в. и более позднего времени, выходит за рамки настоящего исследования.

Правовое положение обельного холопа рисуется нам главным образом по законам о холопах вообще. Процесс его изменения протекал значительно медленнее, чем закупов и смердов. Смягчение холопского права не следует переоценивать. Еще много веков сохранялся в русском обществе холопы и все основные элементы холопского права. Но численно это будет уже довольно незначительная группа населения. Превращение обельных холопов в крепостных шло главным образом за счет

¹⁶² Ал-Гарнати (1150—1153 гг.) сообщает о восточных славянах: «Если кто-нибудь причинит вред рабу, ребенку или животному другого или допустит какое-нибудь другое нарушение прав (законов), то с нарушителя взыскивают некоторую сумму с (его) имущества. В случае, если он ничего не имеет, то продают его сына, дочь или жену (взамен) за это преступление. Если он никакой семьи или детей не имеет, то продают его самого» (А. Л. Монгайт. Абу Хамид Ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. «История СССР», 1959, № 1, стр. 179).

¹⁶³ ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 2.

перехода их в состав закупов, смердов. Обельные холопы сажались на землю, постепенно становились смердами. Поэтому у нас мало источников, где различаются пашенные обельные холопы и смерды. С другой стороны, обельные холопы и смерды в позднейших галичских источниках, а также в церковных памятниках (главным образом поучения и источники о землевладении) скрываются за общим термином «челядь». Но у нас есть некоторые прямые и косвенные данные, говорящие об этом процессе осаждения обельных холопов на землю. В написанной до 1147 г. духовной Антонина Римлянина упомянуты обельные холопы, переданные с землею («На Волховском Тудоре с женою и с детьми одерень, Волос с женою и детьми одерень, Василей с женою и с детьми одерень») ¹⁶⁴.

Мы уже ссылались на свидетельство Никоновской летописи 1177 г., согласно которому ростовцы говорили: «несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш, и наши смерди в нем живут и холопи каменосечци и древоделци и орачи» ¹⁶⁵. Отсюда следует, что обельные холопы могли быть не только пахарями, но и ремесленниками. «Холопы» (т. е. обельные холопы) расшифровываются как «каменосечци и древоделци и орачи» ¹⁶⁶. По своему характеру «каменосечци, древоделци и орачи» это три равнозначных определения. При этом «каменосечци» — слово, определяющее термин «холоп». Если бы «холопы» и «каменосечци» различались автором летописного текста, то между ними должен был стоять, вероятно, союз «и». Но если «каменосечци» расшифровывало понятие «холопы», то аналогичные термины «орачи» и «древodelци» были определениями все тех же холопов. В самом деле, под 1175 г. в Никоновской летописи стояло: «суть холопи наши, каменосечци и древоделци» ¹⁶⁷. Здесь ясно, что последние слова определяют понятие «холопы» ¹⁶⁸. Б. Д. Греков, критикуя построение Юшкова, писал: «Каменосечци», «древodelци» и «орачи» — это занятие смердов и холопов. Никакого противопоставления смердов орачам тут нет. Конечно, смерды тут подразумеваются зависимые» ¹⁶⁹. Мы тоже полагаем, что с введением термина «смерд» в известие 1177 г. эти определения стали относиться и к нему (формула превратилась в обычную «смерд и холоп», а остальное было раскрытием этой формулы).

Можно было бы предположить, что термин «смерд» введен, как обобщение различных видов холопов (каменотесов, древоделов, орачей). Тогда смысл сообщения будет в презрительном оттенке названия владимирцев смердами. Если так, то тогда мы можем сопоставить этот рассказ с упомянутым в летописи под 1095 г. презрительным названием «мужей Владимира» смердами (сходны построения фразы: «несть меня лепосудити» и «несть бо княжение град Владимир»). Что смердов считали холопами-орачами, видно хотя бы из выражения «смердии холоп», означавшего почти то же самое, что значил холоп-орач. Из холопов древодельцев пополнялся тот контингент рабов-ремесленников, который защищался 12-гривенным штрафом (ст. 15 Пр. Пр.).

Обельные холопы продолжали оставаться рабами-дворовыми. В Патерики рассказывает о том, что рабы окружали многих бояр. Знатный боярин Иоанн велел «служити перед нимъ рабъ же множество», когда

¹⁶⁴ ПРП, вып. II, стр. 106.

¹⁶⁵ ПСРЛ, т. X, стр. 2.

¹⁶⁶ С. В. Юшков искусственно выделяет особую группу населения «орачей», не считая их ни холопами, ни смердами (С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М., 1939, стр. 92—93).

¹⁶⁷ ПСРЛ, т. IX, стр. 253.

¹⁶⁸ Таково мнение, например, Мрочека-Дроздовского. (П. Мрочек-Дроздовский. Исследование о Русской Правде, вып. 2, М., 1885, стр. 281).

¹⁶⁹ Б. Д. Греков. Киевская Русь, М.—Л., 1944, стр. 129.

Варлаам ушел в монастырь, оставив после себя «рабы и рабыня плачущие»¹⁷⁰.

Холопы оставались еще предметом купли и продажи. Во второй половине XII в. путешественник Вениамин Тудельский говорил, что славян евреи называют «Ханааном, потому, что туземцы продают своих сыновей и дочерей всем народам также, как и жители Руси». В конце XI в. в Константинополе был рынок, «идеже рустии купцы приходяще челядь продают». Следы захвата пленных и торговли ими сохранились и значительно позже. Ал-Атир в XIII в. упоминал в Крыму рабов, проданных Русью¹⁷¹. После удачных походов рабы бывали довольно дешевы на рынках. Например, после похода 1169 г. князя Андрея «продоваху сузда(лцы) по две нагати». Или в 1260 г. после похода Миндовга пленников покупали по гривне, меняли на коров¹⁷². Но при всем этом «ополнение челядью» во время походов к началу XII в., значительно уменьшилось, и пленники-рабы становились редкостью. Челядь исчезает в западноевропейских торговых уставах из состава товаров, привозимых торговцами из Руси. В регенсбургских уставах 1191—1192 гг. упомянуты купцы, торгующие с Русью («рузарии»), но рабы в качестве их товара там не фигурируют, тогда как более ранний Раффельштеттинский устав 902 г. их называл¹⁷³. Рабы из половецких мальчиков, подаренные русским князем, согласно венгерскому летописцу, считались уже большой редкостью¹⁷⁴.

Итак, хотя положение обельных холопов в общем улучшалось, происходило это еще довольно медленно. Главный путь превращения их в крепостных состоял не столько в общем улучшении их юридического положения, сколько в осажении на землю, в превращении в смердов.

* * *

Последняя часть Пространной Правды (ст. 110—121) — Устав о холопах — уже давно привлекал к себе внимание историков¹⁷⁵.

Основные итоги анализа Устава о холопах могут быть сведены к следующему. Устав о холопах своими корнями уходит в русское законодательство X в. Он отразил также те перемены, которые произошли в процессе развития феодальных отношений в XI в.¹⁷⁶ Очень интересно наблюдение И. И. Смирнова о том, что в Уставе о холопах «феодалная сенбория никак не видна», а «основным фоном, на котором разворачиваются действия казусов статей Устава о холопах, является феодальный город»¹⁷⁷. Но, как мы знаем, боярская вотчина впервые в русском законодательстве появляется только во времена Пространной Правды (боярские холопы упоминаются лишь в ст. 46). Поэтому отсутствие сенбориальных элементов в Уставе также может свидетельствовать об архаич-

¹⁷⁰ «Киево-Печерский Патерик», стр. 25. См. также ст. 13, 17, 110 Пр. Пр.

¹⁷¹ П. Марголин. Три европейских путешественника, СПб., 1881, стр. 146; «Памятники древней письменности», вып. XXXIV, стр. 85; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1889, стр. 26.

¹⁷² ПСРЛ, т. 4, вып. I, Пг., 1915, стр. 163—164; И. Беляев. Очерки по истории северо-западного края, СПб., 1867, стр. 59—60. Город Друцк, по мнению И. Красноперова, в XII в. представлял собой «центральный невольничий рынок Минского княжества» (И. Красноперов. Рабовладение и работорговля в древней Белоруссии, ЖМНП, 1907, декабрь, стр. 321). После 1124 г. он был сожжен Ярополком.

¹⁷³ В. Г. Васильевский. Торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1883, июль, стр. 145.

¹⁷⁴ П. Мельгунов. Очерки по истории русской торговли IX—XVII вв., М., 1905, стр. 146—7.

¹⁷⁵ Автор посвящает ему специальное исследование.

¹⁷⁶ И. И. Смирнова смущало то обстоятельство, что в Уставе говорится не о «челядине», а о «холопах» (стр. 164). Но так как на Руси в XI в. первый термин сменялся вторым, то и Устав, прошедший сквозь переработку XI в., сохранил не архаичный термин, а уже новый.

¹⁷⁷ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 169.

ности его первоначального ядра. Наличие Устава в составе Пространной Правды не может свидетельствовать о постепенном увеличении удельного веса холопов в социально-экономической жизни древнерусского общества. Наоборот, характер обработки норм холопского права, складывавшихся еще на протяжении X—XI вв. в Пространной Правде, говорит о тенденции к слиянию холопов с основной массой феодального населения. Об этом свидетельствовало прежде всего выделение из среды холопов в широком смысле узкой группы «обельных холопов», т. е. непосредственно рабов. К сходным выводам приходит и Л. В. Черепнин. Он пишет: «В связи с тем, что положение закупа было близко к положению раба, в законе потребовалось провести грань между этими двумя социальными категориями. Вместо единого термина «челядин» появляются два новых: «закуп» и «обельный» или «полный» холоп»¹⁷⁸.

* * *

Итак, основные выводы исследования могут быть сведены к следующему:

В VI—IX вв., т. е. на заре древнерусской государственности, восточные славяне уже знали патриархальное рабство. В это время складывается понятие «челяди» как совокупности патриархальных рабов.

Во второй половине IX—X вв., в связи с развитием процесса становления раннефеодальных отношений, постепенно на Руси все больше и больше скапливается рабов, становящихся объектом купли-продажи. Для обозначения их применяется старый термин «челядь».

В конце X—начале XI вв. в связи с развитием процесса феодализации, оседания дружины на землю все большее число рабов наделяется землей и постепенно начинает превращаться в феодально-зависимое население. Старый термин «челядь» начинает включать как рабов, так и более широкий круг зависимого населения, хотя правовое положение челяди остается прежним. Для обозначения рабов в это время начинает применяться новый термин — «холоп».

Княжеский устав Ярославичей (середина XI в.) рисует широкое применение в княжеском хозяйстве труда холопов и всей челяди. Постепенно термин «холоп» начинал употребляться для обозначения всей челяди.

Широкая волна народных восстаний конца XI—начала XII вв. привела к существенным изменениям в положении холопов, явилась как бы рубежом, отделяющим раннефеодальную Русь от феодально-раздробленной. Напуганная размахом антифеодальной борьбы, княжеская власть в Правде Ярославичей (1072) и Пространной Правде (ок. 1116 г.) вводит ряд законов, общая тенденция которых клонилась к смягчению положения холопов, которые приближались к положению феодально-зависимых крестьян.

Владимир Мономах в Пространной Правде, значительно смягчив положение закупов и смердов, входивших в состав холопов, ввел для обозначения холопов в узком смысле этого слова новое понятие «обельный холоп». Утверждение феодальных отношений к этому времени сказалось на ограничении источников обельного холопства, превращении все большего числа рабов в зависимых крестьян, в выделении различных групп зависимого населения из «обельного холопства».

¹⁷⁸ Л. В. Черепнин. Формирование класса феодально-зависимых крестьян, стр. 264.